

Тысячи ярких разноцветных звезд зажглись и погасли одновременно, чтобы превратиться в миллионы таких же невообразимо сияющих, драгоценных камней. Бриллианты, рубины, изумруды и прочие свarovские стеклышки поблестели и разлетелись как новогодний салют, открыв чудесную летнюю картинку баварских гор, где в белом замке, в самой высокой остроконечной башенке, прекрасная златокудрая принцесса тосковала по любимому, глядя в маленькое окошко на озеро с лебедями... Раз! Поворот колесика и горы вместе с замком рассыпались в прах, словно от страшного землетрясения, а на их месте просторы черного космоса бороздил розовый космолет с той же златовлаской на борту, но очень недолго, ровно до следующего поворота деревянного колесика в маленькой ручке.

Беленькая, похожая на смешного ангела девочка крутила штурвальчик калейдоскопа, забыв обо всем

5

* В книге присутствует ненормативная лексика. Произведение не рекомендуется к чтению лицам младше 18 лет.

на этом скучном взрослом свете. У нее теперь был свой, полностью подвластный ей мир, который она меняла мановением руки. Раз — и космос превратился в россыпи вкуснейших конфет и шоколадок. Анюта даже сглотнула слюну. «Ничего себе! Вот это фокус!» Если бы их еще можно было достать из этой толстой черной трубы, стоявшей на маленьких кривых чугунных лапках на столе рядом с другими подарками! Старая, даже нет — старинная, железная и вся покрыта каким-то странными узорами, как будто каракулями. Еще и перевязана сверху красным бантом.

— Что это? — спросила девочка у папы, заметив странный подарок.

Отец, занятый приемом гостей, как всегда, отшутился:

— Позорная труба! Хотя нет. Похоже, это старый калейдоскоп. Очень готиченькая штука.

Никто не мешал Ане наслаждаться новой игрушкой. Стоя на цыпочках, затаив дыхание, зажмурив один глаз, — вторым она наблюдала рождение новых миров, управляемое поворотом смешного деревянного колесика сбоку трубы и ее неумной фантазией. Она,

конечно, видела калейдоскопы и раньше: обычные мозаики из стекляшек не шли ни в какое сравнение с ее нынешними впечатлениями. Аня почувствовала неведомую силу, стала ощущать себя властелиншей мира, поглавнее Президента США, а может быть, даже круче Ксюши Собчак. Вот подружки обзавидуются...

Она не подумала, что все подружки остались в другом районе, а через неделю ей идти во второй класс в новой школе. Все страхи последних недель улетучились, Аня забыла о том, что в соседней комнате ее новой просторной квартиры взрослые празднуют новоселье, а в детской, брошенные ей дети гостей, лихо отплясывают под Пинк. Она была внутри волшебной

6

трубы! Все, что было вокруг, перестало существовать. Девочка не видела и не слышала, как сквозняком распахнуло дверь в гостиную и очередной гость пробасил очередной тост:

— Ну что ж, Гриша, теперь у лучшего кардиохирурга Москвы, его красавицыжены и принцессы Ани есть достойная квартира. Давайте выпьем за то, чтобы ваша жизнь в новой квартире была столь же прекрасна, как этот праздничный стол!

Неожиданно перед глазом Ани в калейдоскопе появилась странная картинка. Мозаика из человеческих тел, изогнутых в самых неожиданных и неудобных позах. Мужчины и женщины, всего человек десять, образовали замысловатый узор, многократно повторенный линзами. Они явно страдали и, как показалось Ане, с надеждой смотрели на нее. «Фу, какая гадость, — девочка скривила мордашку, явно копируя маму, — и здесь эротика!» Она закрыла глаз, крутанула колесо, и все в трубе вернулось к ее ярким детским мечтам. Аппарат больше сбоев не давал. Круче компа и ПСП! Еще, еще! Аня вертела колесо все быстрее и быстрее. Вдруг откуда сверху, незнакомый и знакомый одновременно, вкрадчивый женский голос спросил ее:

— Анечка, тебе нравится калейдоскоп?

Не отрываясь от игрушки, Аня ответила любопытной тетке:

— Угу. Прикольная штука.

— Это не простой калейдоскоп, Аня. Береги его.

Девочка обернулась, но в комнате никого не было,

только пылинки сверкали, весело кувыркаясь в косых солнечных лучах. Тогда она снова заглянула в трубу, забыв про странную невидимку.

К сожалению, мама скоро заметила, что Аня куда то пропала:

— Анята! Где ты? Дети тебя заждались!

7

Ну вот! Девочка последний раз крутанула колесо, с неохотой поставила классную вещицу на стол и вернулась к гостям. Она не видела, как на старом калей доскопе самозабвенно продолжает крутиться деревянное колесико.

Часть I

Призраки прошлого

ГЛАВА 1

05.09.2006 23:00—4:00

Окна были плотно зашторены. Источников света, кроме напольной лампы, тускло освещавшей неоготическое черное трюмо, в огромной спальне не было. Перед зеркалом, напряженно всматриваясь в свое отражение, сидела молодая белокурая женщина. На ней было лишь кружевное черное белье, подчеркивающее анемичную белизну стройного тела. Романтический образ разрушал грубый шрам, начинающийся под горлом и идущий между чашечек бюстгалтера до идеально плоского живота. Женщина слегка наклонила голову — на красивом лице никакой косметики: татарославянские скулы, прямой нос, но вот глаза — большие темные и влажные глаза выдавали примесь южных кровей, диссонируя с волосами. Эти глаза на поллица, в которых тонешь при первом же взгляде, делали его бесконечно притягательным. Или отпугивающим? Для кого как... Пристально посмотрев на себя, она глубоко вдохнула, положила руки на угловатые колени и заговорила:

11

— Надо начинать. Я Катя, Катя Дроздецкая, когда то — Петрова. Мне восемь лет, хотя на самом деле двадцать пять. Восемь лет назад я попала в ужасную аварию в моем родном городе. С тех пор у меня новое сердце и абсолютно новая память. Да, не каждой девушке так везет. Мое новое сердце работает как часы, — она провела рукой по уродливому шраму, — один случай на миллион... Так говорит Гриша. А он знает, что говорит. Гриша — мой муж, мой бог, отец

моей Ани, мой кардиохирург, мой доктор Франкенштейн. Правда, он очень не любит, когда я его так называю. Это он пересадил мне сердце в коламской больнице, это он привез меня в Москву и нянькался со мной первые два года как с ребенком. Гриша смеется — говорит, что у него две дочки, и он прав. Он мое все, а я просто очень везучая девчонка из провинции! И чертовски красивая! — Замерев на миг, она медленно подняла руку и решительно сняла с головы парик, под которым оказалась голая, как коленка, голова, со шрамом на темени. — Мои украшения меня уже не пугают. Они съели мою память, мое «я». Что бы было, если бы не Гриша? А так — все восстанавливается. Я полноценная женщина, которая каждый день принимает эти чертовы таблетки, после которых нужно лишь пару часов поспать, — и все. Иначе — кошмары. Лица, люди, которых я не знаю... — Катя начала медленно массировать голову. — Мой врач, Светёлкина, говорит, что ничего странного в том, что вернулись все воспоминания, кроме моих личных, нет. Так бывает. Гриша и мой дневник помогут мне вернуть себя. А лезть в сумеречную зону, в те полгода после окончания школы — до аварии — мне нельзя. Светёлкина умная, я ей верю!

— Молодец. — Григорий тихо вышел из темноты и встал за спиной Кати.

Высокий поджарый мужчина, с уже обозначившимися залысинами, его вытянутое лицо пересекли глу

12

бокие морщины, изза них Григорий казался вечно чемто недовольным. Он был в пижаме и явно готовился отойти ко сну. Нежно положив ей сильные жилистые руки на плечи, муж начал слегка разминать их, опуская пальцы все ниже, уже касаясь безобразного шрама.

— Выполняешь назначение врача. Умница. Психотренинг — это очень важно. Светёлкина тобой довольна, обещала через полгода, если ты ее не подведешь, заменить «нейровинд» на чтонибудь полегче.

Катин взгляд наткнулся в зеркале на глаза Григория.

— Я очень страшная?

— Ты самая красивая. — Григорий поцеловал ее шрам на голове.

— Гриш, обними меня покрепче...

Григорий нежно обнял жену и снова поцеловал в макушку. Катя прикрыла миндалевидные глаза.

— Как там Анька? Уснула?

— Ага, сопит, как ежик. Опять перед сном таращи лась в свой «калидоскоп».

— Хорошо, хоть не в компьютер. Хотя эта странная привязанность к игрушке настораживает. Нет, милый?

— Брось ты. Просто новая яркая фигня, скоро на доест. Антиквариат! Он же стоит, наверно, немерено? Надо бы оценить его у жуков, у которых мы трюмо купили. Кто же его все-таки подарил? Ты не вспомнила?

— Вспомнишь тут, когда ты почти полбольницы пригласил. Зато я сегодня вспомнила, как купалась в детстве в речке. У нас в Коламске была речка?

Григорий поморщился, эти расспросы его напрягли, но не ответить ей он не мог:

— У вас — была. Волга, только узенькая. Ладно, милая, я, пожалуй, лягу. Мне завтра с утра в больницу.

13

Катя поймала его за руку.

— Вот видишь — память продолжает возвращаться, — улыбнулась она.

— Конечно, Светёлкина — лучший психиатр! Все будет харашо! — Григорий попытался освободить руку.

Катя неохотно его отпустила и снова обратилась к отражению:

— У меня все лучшее. Муж — лучший, к тому же лучший кардиохирург в городе, дочь — лучшая в классе ученица, квартира теперь — закачаешься, сердце — тоже лучшее... Гриш, а когда я окончательно окрепну, ты расскажешь мне про эту чертову аварию и про то, откуда в богом забытой коламской больнице такие идеальные сердца?

— Дурочка моя, ну ты же знаешь, лучшие сердца всегда были в русской глубинке. И откуда у тебя этот сарказм? До аварии его не было... И вообще ты знаешь, что это — запретная тема. Сорвешь Светёлкиной про гресс! Тебе нельзя никакого негатива! Никакого негатива! — Григорий зевнул во весь рот, лег на кровать, повернулся на бок и закрыл глаза.

Катя забралась под одеяло к мужу и игриво обняла

его:

— Все запретное так манит...

— Милая, у меня завтра тяжелая операция. И вставать в шесть. Давай спать. Извини, видишь, я вовсе не так идеален...

— Да, я знаю. — Она явно пародировала назидательный тон своего мужа. — Благодаря ответственности за нас с Анькой, ты смог победить свои депрессии, любовь к бутылке, поверил в себя и стал выдающимся хирургом. И женился на мне только два года назад, потому что никак не мог развестись с этой таинственной бывшей женой.

Григорий, откинул одеяло и резко сел на кровати:

14

— Кать, ты хочешь, чтоб я теперь полночи не спал, да? Тыто от снотворных своих вырубись через полчаса, а я?

— Что ты, милый, как ты мог подумать такое? Спи, я тебе колыбельную спою. У меня тут откуда ни возьми в голове испанская колыбельная вылезла — ведь ни слова по-испански не знаю, но почемуто все понимаю.

— Ты сплошной сюрприз, милая. Ну, у кого еще есть такая жена?

— Ладно, подлиза, спи. Только обещай мне, что через год мы съездим в Коламск — навестить моих.

— Господи, твои — все на кладбище, и ты это прекрасно знаешь. Человек ухаживает за могилами и регулярно отчитывается фотографиями. — Григорий встал с постели, забрал подушку и тяжело вздохнул. — Ладно, милая, спокойной ночи. Пойду спать в гостевую. Катя осталась одна на огромной кровати. Повздыхла немножко, жалуясь сама себе:

— Да, и так всегда. Ничего он мне не расскажет, зануда. Ну и фиг с ним. Буду спать.

Сначала она тихо напевала испанскую колыбельную, а потом заснула.

Наверное, Катя бы очень удивилась, если бы услышала, как, тихонечко повздыхав, допевало ее песню старинное трюмо... Но еще больше она бы удивилась, увидев, как деловито и спокойно пересыпает пилюли из одного аптечного пузырька в другой на темной, освещенной одной только полной луной кухне ее любящий супруг.

Посреди ночи Катя проснулась в полной темноте. Ноги сами понесли ее к любимому трюмо, украшенному резными грифонами и химерами. Катя села в кресло и, не включая света, стала всматриваться в темные очертания зеркала. Неожиданно со стороны зазер
15

каля зажегся тусклый свет, и она, увидев свое бледное отражение, быстро и нараспев, как молитву, запричитала:

— Я Катя, Катя Дроздецкая...

Она испуганно осеклась, потому что ее отражение совершенно самостоятельно бросило на нее насмешливый взгляд. У женщины от страха похолодели ноги, она хотела позвать на помощь Гришу, но из горла вырвался лишь жалкий всхлип, почти мяуканье. Отражение нагло прыснуло от смеха. Катя оцепенела, не в силах пошевелиться, она даже не могла отвести глаз. Внезапно очень сильно зачесался рубец на груди, она увидела, что у ее ухмыляющегося отражения он стал набухать, наливаясь темной венозной кровью. Катя снова попыталась крикнуть, но смогла только раскрыть рот, а синий шрам в зеркале принял форму тонких губ, изогнутых в издевательской усмешке, и на конец раскрылся, высунув неприятный фиолетовый язык. Липкая тошнота покатила у Кати по горлу. Рубец между тем спрятал язык и изогнулся восьмеркой. Отражение перестало улыбаться, подняло перед собой тонкую руку, которая с тихим всплеском вышла из зеркала и потянулась к Кате.

— Верни мое сердце! — произнес гулкий загробный бас.

От ужаса к Кате вернулся голос, она дико вскрикнула и наконецто проснулась понастоящему. В груди бешено колотилось, но она мгновенно успокоилась, — это был ее очередной знакомый кошмар. Последние пять лет он с разными вариациями посещал ее приблизительно раз в неделю. Какие препараты ни назначала бы Светёлкина, все они имели общее побочное действие в виде этого кошмара. Однако ужасная восьмерка явилась первый раз. Катя со вздохом перевернулась на другой бок, прижала ладошкой шрам между грудей и забылась до утра черным пустым сном.

ГЛАВА 2

06.09.2006 14:00

Стараясь производить как можно меньше шума, Аня открывала дверь своим ключом. Она привела в гости новую подружку, с которой познакомилась на детской площадке. Девочка жила в соседнем доме и тоже ходила во второй класс, тоже любила качаться на качелях, тоже жалела смешную бездомную собаку, которую вечно гоняли охранники жилого комплекса, и тоже приносила для нее бутерброды. Они мигом нашли общий язык. Открывая дверь, Аня немного беспокоилась, что пришла не одна и не предупредила маму. Но ей очень уж хотелось похвастаться новой игрушкой. Да что такого: мама же все равно все время спит, она может и не заметить.

— Только не шуми. Мама еще спит. Вон моя комната — он там.

— Калейдоскоп?

— Ну да.

Девочки на цыпочках прокрались в детскую, устновили прибор и стали крутить колесо, поочередно заглядывая в окуляр. Постепенно они забыли об осторожности и стали шумно радоваться меняющимся разноцветным узорам.

Катя дремала в своей спальне, когда услышала, что наружная дверь открывается. Она почувствовала облегчение: наконец-то Анька вернулась. Когда дочки не было дома, Катя всегда тревожилась. Даже зная, что детская площадка находится на охраняемой территории и посторонний не может проникнуть туда. Услышав, что Аня пришла не одна, Катя удивилась: еще ни разу дочка без спросу никого не приводила домой. Ну и ладно, у девочки появляются новые друзья, надо же ей както привыкать к этому месту.

Катя еще не пришла в себя после дневного сна — ей было зябко, во рту оставался привкус лекарств. Ку

17

таясь в махровый халат, она неслышно подошла к дверям детской посмотреть, чем там так заняты дети: в комнате Аня с девочкой ее возраста увлеченно возились с калейдоскопом. Но вот подружка подняла голову, и Катя почувствовала, как по спине побежали мурашки. «Если б у меня были волосы под париком — они, наверное, встали бы дыбом», — подумала она и решила, что это все еще действуют лекарства. Катя

снова посмотрела на девочку, на ее лицо. Кого же она напоминает? Катя не могла оторвать взгляда от живого смуглого лица. Голова ее закружилась, пол неожиданно прогнулся и ушел изпод ног. Катя прислонилась к стене, пытаясь сохранить равновесие и восстановить сбившееся дыхание. Она закрыла глаза, но легче от этого не стало. В темноте замелькали смутные образы, они быстро сменяли друг друга, не давая зацепиться за что-то конкретное. Вот девочка, очень похожая на Анину подружку, сидит в темной комнате за столом под тусклой лампой и увлеченно читает толстую книжку; эта же девочка в танцклассе делает сложное хореографическое упражнение, лицо напряжено — она очень старается; вот девочка в школе — ее дергает за косичку какой-то противный мальчик; затем появились неприятные мужские лица, громкие голоса, крики, громкая молитва священника, яркие лампы операционной... Катя открыла глаза — рядом с ней стояла Аня и трясла ее руку.

— Мама, мамочка, познакомься, это моя новая подружка, ее зовут Катюша. Она живет в соседнем доме, а учится в испанской школе. Они уже давно тут живут, она мне все во дворе показала. А мама у нее доктор, как наш папа. Катюша, скажи что-нибудь по-испански?

— Буэнос диас, сеньора!

Катя машинально ответила:

— Буэнос диас! Ладно, девочки, играйте. Хорошо, Аня, что тебе теперь есть с кем повеселиться. А мне что-то не здоровится — пойду прилягу.

18

Девчонки ушли в детскую, Катя развернулась, чтобы вернуться в спальню, но не тут-то было. Она спой почувствовала цепкий колющий взгляд. «Никакого негатива!» — пронеслись слова мужа в ее больной голове, но она уже оборачивалась. От резкого поворота щелкнула шея и потемнело в глазах, затем будто сработала фотовспышка, ярко осветив узкое пространство коридора. Свет и тень поменялись местами: перед ней оказались две маленькие черные девочки, чернозубые и с яркобелыми зрачками. Девочки отвратительно хихикали и показывали на нее пальцами:

— Это твоя мама! Хихихи!

— Нет, это твоя мама! Хахаха!

— Да какая разница! Хе-хе! Все равно она мертвая!

— Уже восемь лет! Хахаха!

— Замолчите, противные твари! — не выдержала несчастная женщина и замахнулась на них дрожащей рукой.

Негативные проказницы вмиг растворились в воздухе, оставив вместо себя ярчайшую молнию в виде восьмерки, которая ослепила Катю. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, к ней вернулось ее обычное зрение. Коридор был пуст, и только из дверей детской высунулась обиженная мордочка Анютки:

— Ма, ты чего ругаешься? Мы ж тихонечко шумим.

— Простите, я не вам... Пойду я.

И Катя ушла, не в силах отделаться от горячей восьмерки перед глазами и неприятных ощущений, роящихся под страшным шрамом на темени.

ГЛАВА 3

06.09.2006 22:00

Кате казалось, что она не доживет до вечера. Дневной приступ напугал ее, и этот страх не хотел отпустить ни на секунду. Что бы она ни делала, пытаясь

19

отвлечься, невнятные образы возвращались. Самым неприятным было то, что ей казалось — еще чуть-чуть, и она все вспомнит, поймет, узнает мелькающие лица, но ничего не получалось. Это ее изводило. На счастье, муж пришел не очень поздно.

С первого взгляда Григорий определил, что жена на грани срыва, — в ее глазах застыло отчаяние. Он уже давно не видел Катю в таком состоянии — неужели лекарства больше не помогают и пора переходить на более тяжелые?

Пока он переодевался, Катя, сидя у своего трюмо, сбивчиво излагала суть своих переживаний. Григорий напряженно слушал, но, когда узнал, с чего все началось, облегченно вздохнул. Он подошел к Кате, положил ей руки на плечи и попытался успокоить:

— Ну, Катенька, мне кажется, ты сама себя заводишь. Может, эта девочка и похожа на кого-то. Что с того? Не надо так на все реагировать. Смотри, все было так хорошо, такой прогресс, Светёлкина меня постоянно обнадеживала. А по поводу дурацкой цифры, которая тебе везде мерещится, я прямо сейчас позвоню ей.

Григорий взял мобильник и вышел в соседнюю комнату. Через пять минут он торжественно вернулся:

— Катюша, ты просто переутомилась. Ремонт, переезд, новоселье — надо отдохнуть. Может, я отпуск возьму, и махнем вдвоем куда-нибудь на море?

— Милый! Цифра восемь, что тебе про нее сказала Светёлкина?

— Да ничего особенного. Знак бесконечности вставший на попа. Цифра как цифра, число как число. Тихое, спокойное, в порочащих связях не замечено. Шучу! Телевизора ты мать пересмотрела. Ящик этот поганый всякой мистикой инородной да каббалистикой забит. Умному человеку и смотреть-то на все это тошно!

20

— А при чем тут восемьто?

— А при том, что был среди средневековых раввинов сефардов, какойто каббалист, который считал восьмерку цифрой ловушкой, мол, это число вечного возвращения в начало и тому подобная белиберда. Смотрела ты, видимо, телик вполглаза и запала тебе эта чушь в подсознание. Ну ничего, мы люди православные, нам вся эта каббала ни о чем. Правда, милая?

— Конечно, Гриша.

— Ну ладно, в любом случае я поговорю с Анютой завтра перед школой и попрошу ее не водить к нам детей хотя бы неделю. Ты успокоишься, все будет как раньше, все будет хорошо, правда, милая?

— Не надо, Гриша, не трогай Аню, я справлюсь. Очень важно, чтобы Аня поскорее здесь адаптировалась, она же не виновата, что у нее безумная мамаша, которой все время что-то кажется.

— Креститься надо, когда кажется.

Оба машинально перекрестились: «Господи Иисусе...»

— Ты не безумная, ты просто у меня особенная и самая красивая.

Катя встала, повернулась к Григорию и крепко обняла его. Они долго молча стояли так.

— Гриша, а ты заметил: где бы мы ни жили — за окном всегда слышен колокольный звон. У меня такое чувство, что этот звон я вожу за собой с детства.

— Может, и возишь, ты же и родилась в Колоколамске, ваша звонница всегда на всю округу славилась. Надо нам с тобой в церковь сходить — давно не были, давай в воскресенье сходим?

— Давай. Слушай, а я вот сейчас поняла, что с детства название своего городка целиком не произносила — мы ж все коламские были. А еще в школе, помню, приколом был — Кокаколамск.

Гриша с удивлением посмотрел на жену:

21

— Ты же ничего про школу не помнишь...

— Вот видишь, что-то всплывает потихоньку.

— Ну что, спать?

— Давай.

Катя быстро заснула нервным, тревожным сном и не чувствовала, как в полной темноте ее муж пытается что-то разглядеть под ее закрытыми, подрагивающими веками.

ГЛАВА 4

08.09.2006 20:00

На этот раз Аня заранее спросила у родителей разрешения привести в гости Катюшу. Так что бояться нечего, можно врубить MTV и веселиться. За окнами целый день идет дождь, о том, чтобы пойти гулять не может быть и речи, и значит, они с подружкой могут забыть про время и делать все, что хочется.

Катя зябко поежилась в постели — дождь сегодня ни на секунду не прекращался. Она больше не могла спокойно сидеть, стоило хоть на минуту расслабиться и закрыть глаза — призраки возвращались, еще и за нудадодждь настойчиво стучал по стеклу монотонной дробью, нагоняя необъяснимую тоску. Пора было принять таблетки и немного поспать.

Катя подтянула одеяло к лицу. Знакомая успокаивающая истома охватила все тело, смутные образы начали плавно перетекать один в другой, пока не превратились в бесконечный коллаж.

Очнулась красавица снова напротив любимого трюмо. В комнате было довольно светло от огромного количества свечей, стоявших повсюду. Чувствовала себя Катя прекрасно и светилась счастьем, как свеча на полу. Она была обнажена и без стеснения любовалась в зеркало на свои идеальные формы. Чтобы получше разглядеть себя, она повернула боковые створки трю

22

мо, и теперь на нее смотрели три довольные физиономии. Вдруг Катя поняла, что на ней стильный черный шелковый платок и черные очки. Странно, что она сразу этого не заметила. Настроение немедленно ис

портилось. Неожиданно занял давно заросший шов на голове. «Вот зараза! Сто лет не беспокоил», — подумала Катя и полезла рукой под парик. Пальцы нащупали на макушке холодную металлическую застежку молнии. «А это что еще за фигня?» — подумала она и уверенной рукой потянула застежку по затылку к низу, при этом рука остановилась на уровне лопаток, а подлая застежка продолжила свой путь самостоятельно и съехала, расстегнув кожу на спине до самого копчика. Спине сразу стало очень холодно. Не успела Катя зареветь от страха, как три ее отражения дружно засмеялись над ней, а очки на них превратились в горящие восьмерки...

Катю разбудил звонок в дверь. Она, утерев холодный пот со лба, посмотрела на часы — уже десять вечера, малявки явно засиделись. Бедолага оделась и пошла открывать. К ней тут же бросились девочки. Подружка дочери, Катюша, виновато заглянула Кате в глаза:

— Ой, это моя мама, я сказала ей, где вы живете!

И правда на пороге стояла высокая красивая женщина с крупноватыми чертами лица, короткими темными волосами и насмешливыми зелеными глазами. Ее светлый плащ с правой стороны совсем промок. Рыжие кожаные туфли потемнели от воды и оставляли на полу мокрые следы.

Увидев друг друга, женщины на секунду замерли, у гостьи выпал из рук зонт. К ней подбежала дочка, подняла зонт и взяла ее за руку:

— Мапочка, извини, я задержалась! Здесь так интересно! — Девочка обернулась к Кате: — Это моя мама! Хозяйка поняла, что женщина в замешательстве и попыталась ей помочь:

23

— Здравствуйте, меня зовут Катя, как вашу красавицу. Проходите, пожалуйста!

Женщина исподлобья посмотрела на нее и не очень уверенно представилась низким хриловатым голосом:

— Добрый вечер. Виктория.

«Какая неприятная баба», — подумала Катя, но виду не подала.

— Раздевайтесь, вы же совсем промокли, я чай сделаю. Не обращайтесь на меня внимания, я немного не в себе, сейчас лекарство приму — получше стану. Вы не торопитесь?

Виктория вела себя очень странно, было видно, что она внутренне колеблется. Пауза затягивалась. Кате да же показалось, что Виктория, слава богу, сейчас раз вернется и уйдет, но она осталась.

— Я и правда никуда не тороплюсь. Что ж, чаю так чаю. Только зеленого!

«Еще и наглая какая!» — изумилась Катя про себя и сказала:

— А девочки пусть еще поиграют, они так хорошо спелись, я прямо рада. Вы не ругайте Катюшу, что она задержалась, они новую игрушку осваивают — калей доскоп.

— Да я и не думала ругаться, она же мне адрес ваш оставила. И давно вы здесь живете? Я вижу, у вас ремонтик свежий. Стильно так все. Молодцы! Хороший дизайнер сейчас — редкость.

— Мы здесь совсем недавно. Знаете, мы с Гришей так долго искали...

Виктория тихо заметила, как бы про себя:

— Молодцы! Нашли. Кто ищет, тот всегда найдет.

— Вы что-то сказали?

— Нетнет, это я так. И по каким же параметрам вы вели свои поиски?

Странная гостья все больше тревожила Катю: шепчет что-то себе под нос, под который почему-то так и напрашиваются усы, ну хотя бы маленькие, как у Гит

24

лера. Но она твердо решила быть сегодня радушной хозяйкой, и ничто не могло ей помешать.

— Ну, чтобы большая и светлая и чтобы школа хорошая рядом была, — сказала она.

Гостья удивленно подняла брови:

— Вы о чем?

«И тупая, как валенок!» — констатировала про себя Катя.

— Как «о чем» — о квартире. Мы очень долго не могли найти подходящую, но этой мы очень довольны. Ну а вы здесь как давно?

Гостья снова напряглась, было видно, что ответ ей дается с трудом:

— Больше семи лет. Почти восемь.

— Я очень за Анечку волнуюсь, как она там в школе с новым классом будет. Такой стресс! Жаль, что ваша Катя ходит в испанскую школу. Надо было и нам свою туда отдать. Ходили бы девчонки в один класс,

уроки бы помогали друг другу делать.

Но Виктория опять произнесла кудато в сторону и как бы про себя:

— Одноклассницы, угу...

— Что вы сказали?

— Даа, забавно, говорю, если бы они еще и одно классницами были... А мне вот почемуто показалось, что ваша девочка обязательно должна ходить в испанскую школу.

— Ну что вы. Мне, представляете, на днях песня испанская пришла в голову, вот странно, сама не знаю откуда. А английская школа у нас ближе к дому, не вечно же я буду дочку за руку водить. Вот и отправили Аню туда. Да и Гриша был както против испанского языка, предубеждение у него какое-то.

— И с чего бы это?

— Да не знаю, у него часто бывает. Работа тяжелая, нервная — кардиохирург. Ваша Катюша сказала, что вы тоже врач, а какой, если не секрет?

25

Виктория немного задумалась:

— Тоже хирург, правда, мне далеко до вашего Григория, я всего лишь — пластик.

— О! Пластический! Как интересно! И много клиентов?

— Очередь на год вперед.

Кате сразу вспомнились звезды эстрады, которых вечно крутят по телевизору, с искаженными блестящими лицами, с пухлыми губами, с надутыми грудями.

— Но ведь после пластики они такими искусственными кажутся.

— Ну это смотря кто делает операцию. — Виктория внимательно посмотрела на Катю, отчего той стало не по себе. — Мои пациенты, например, и через много лет неплохо смотрятся. Ну что мы все обо мне, о себе расскажите.

— Да что рассказывать. Я дома сижу, нигде не работаю...

В комнату вбежала Катюша:

— Мама, пойдем, я тебе калейдоскоп покажу.

— Катенька, уже поздно, пойдем домой, в следующий раз покажешь. — Виктория ласково погладила девочку по голове, а потом обратилась к хозяйке: — За сиделись мы, а завтра детям в школу. В другой раз

доболтаем.

Было заметно, что у Виктории исчезли неловкость и скованность, которые мешали ей в начале разговора. Катя это отметила и приписала своему умению общаться с людьми. Но после ухода Виктории с Катюшей на душе у нее остался неприятный осадок. Осталось ощущение недосказанности, хотя, анализируя разговор, она не могла ни к чему придраться. Обычный треп малознакомых людей, но успокоиться почему-то не получалось. Снова накатили мутные обрывки воспоминаний, и отделаться от них не было никакой возможности.

26

ГЛАВА 5

08.09.2006 23:00

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей, Катя, уложив дочку спать, забралась с книжкой певицы Валерии в постель. Она пыталась сосредоточиться на тексте, но постоянно уплывала прочь от сюжетной линии, вновь и вновь возвращаясь к недавнему разговору с Викторией. Неожиданно тишину в квартире нарушила рулада мобильного — это звонил Григорий.

— Дорогая, как ты?

— Все хорошо, милый.

— У нас сегодня напряги на работе, ничего страшного, если я слегка задержусь? — В голосе мужа слышались виноватые нотки.

— Все нормально, не переживай, я скоро лягу спать...

Закончив разговор, Катя еще несколько секунд медлила и задумчиво постукивала телефоном по книжке, которую продолжала держать в руках. Затем быстро встала с кровати и пошла в другую комнату, где до сих пор стояли неразобранные коробки с вещами. Она стала торопливо рыться в коробках, разбрасывая попавшие под руку предметы, и наконец нашла то, что искала. Катя села на пол и стала разглядывать альбомы с фотографиями, интуитивно пытаясь найти там причину своего беспокойства. Она начала листать самый старый альбом, где были собраны ее детские фотографии — много Катю в нарядных платьях, танцующих балльные танцы в паре с разными смешными важными мальчиками, покойная мама, покойный отец. На оборотах фотографий мелькало название города, где она

родилась и выросла. Именно о него и споткнулась Катя. «Колаколаколоколамск» — призывно зазвенели тревожные колокола в голове, мигнула перед глазами горящая восьмерка из сна, и подсадное сердце преда

27

тельски заколотилось. И тут все сразу встало на место в ее больном мозгу: «Восемь — это возвращение в начало, а мое начало там, где конец моей памяти — в девяносто восьмом году, восемь лет назад в Коламске. Похоже, пришла пора провести родные пенаты». Она начала собирать и укладывать вещи, потом написала записку Грише:

«Я больше не могу жить без своего прошлого, мне необходимо разобраться в себе. Пожалуйста, не пугай Аню, я всего лишь навещу могилы родителей — уеду на пару дней. Я знаю, ты всегда можешь меня убедить, в чем угодно, поэтому уезжаю прямо сейчас. Не паникуй, все будет хорошо. Люблю тебя. Твоя Катя».

Она взяла зонт и вышла навстречу ливню и загадкам.

Часть II

Славный город детства

ГЛАВА I

09.09.2006 09:00

Призраки больше не появлялись, как будто они принадлежали не сознанию, а месту, и в городе ее детства у них не было прописки. Голова совершенно ясная, и в теле чувствовалась легкость, о существовании которой Катя уже успела забыть. Это было очень кстати, ведь сегодня ей предстоял нелегкий день. За окнами единственной в городе гостиницы сияло солнце. Еще в холле до Катиного слуха донесся мелодичный перезвон утренних колоколов. Она краем глаза поймала в зеркале свое, но такое странное, отражение — платок, черные очки. На секунду замерла, испугавшись, ей почудилось, что она гдето видела эту «чужую» женщину, возможно, во сне? Однако Катя быстро справилась с наваждением. «Это простое дежавю, — решила она. — Неплохо я законспирировалась».

Выйдя из гостиницы и дойдя по переулку до площади, Катя остановилась осмотреться. Под утренним солнцем город выглядел совсем не таким страшным,

31

как вчера ночью. Когда она шла со станции к гостинице, казалось, что каждый случайный прохожий обо

рачивается ей вслед, из всех окон за ней следят сотни злобных глаз, и стоит остановиться, как ее тотчас схватят и утащат в темноту.

Сейчас, глядя на город, Катя не понимала, как такое могло прийти ей в голову?

На небольшой мощеной площади, воркуя, неторопливо прохаживались и грелись в утренних лучах голуби. Фасады немногих старых домов обветшали, краска облупилась и облезла — требовалась заботливая хозяйская рука. К горлу Кати подкатил комок, на глаза навернулись слезы — надо же, она помнила это место. Главные городские достопримечательности — церковь и ночной клуб — были здесь же, на центральной площади Колоколамска, так что до церкви, куда и направилась Катя, было шагов сто — не более.

Была суббота, возле церкви блестело с десяток машин, а на паперти топталась коротенькая шеренга нищих. Катя зашла в переполненный храм во время проповеди. Батюшка — молодой, высокого роста, крепкого сложения, с широкой светлой бородой и живыми серыми глазами, казался скорее былинным богатырем, чем святым отцом. Было видно, что он, несмотря на молодость, пользуется большой популярностью у прихожан, почти все остались его слушать. Катя тоже прислушалась к проповеди, где речь шла о прелюбодеянии, причем местный ночной клуб именовался Содомом. Катя внимательно всматривалась в лица прихожан, пытаясь когонибудь узнать, но — тщетно. Когда же подошла ее очередь за причастием, она увидела испуг в ясных и почемуто таких родных глазах священника. Катя решила обязательно с ним поговорить, возможно, он поможет ей в поисках прошлого. Но ее затея не увенчалась успехом, пока она ждала, когда разойдется основная масса прихожан, попа уже нигде не было. Старушка, которая прибирала огарки свечей возле

32
икон, сказала, что отец Пантелеймон срочно ушел — у него болела младшая дочь. Разговорчивая старушка поведала Кате, что у отца Пантелеймона уже четыре дочери, несмотря на молодой возраст, и что он возглавляет приход более десяти лет. А также, что в последние годы он стал совсем другим, радость ушла из жизни отца Пантелеймона после трагедии, случившейся в городе несколько лет назад. Но старушку кудато позвали, и та, извиняясь, спешно ушла заниматься другими

делами.

Немного растерянная, не представляя с чего начать свои поиски, Катя вышла на площадь. К ней неожиданно подошла какая-то баба. Женщина была ярко накрашена — на лице лежал толстый слой тонального крема, что бросалось в глаза на ярком утреннем солнце. Ее сильно подведенные зеленые глаза чуть косили, из-за чего было не совсем понятно, куда в данный момент направлен ее взгляд. На вид она была старше Кати, очень хорошо одета, даже слишком хорошо для провинциального города. Темнозеленый костюм прекрасно сидел на ее плотной фигуре, приталенный пиджак с вышивкой по лацканам подчеркивал высокую грудь, асимметрично обрезанный подол юбки не скрывал все еще стройных лодыжек. Туфли на высоченных шпильках и довольно большая сумка из одного комплекта были украшены переливающимися на утреннем солнце стразами. «Экая фифа!» — подумала Катя и уже собралась с ней заговорить, но «фифа» начала первой:

— Оппа, блин. Не может быть!

— Что вы сказали? — удивилась Катя и сняла очки. — Я — Катя Дроздецкая. Мы разве знакомы? Дама картинно приложила руки к груди, а потом вдруг решительно бросилась обниматься.

— Катька! Катя Петрова! Ты! А я уж бог знает что подумала. Ты так изменилась, но глаза, эти твои глаза! И нос! Где ты была все это время? Еще и разоделась как эта... господи прости.

33

— Нос? А что с ним? — строго переспросила Катя. — Что вы имеете в виду?

— Катька, ты что, не узнаешь, походу? Это же я! Белка! Синявская! Помнишь, Белка и Стрелка? — Она сняла с головы тяжелый платок, под которым оказались рыжие некрашенные волосы.

Перед глазами Кати промелькнул образ худощавой рыжей красотицы с сигаретой в наманикюренных пальцах.

— Ой! Кажется, помню! — обрадовалась Катя. — У меня, понимаешь, после травмы что-то с головой: я все забыла. И специально приехала, чтобы все вспомнить. Как хорошо, что ты подошла сама, может, чемнибудь поможешь, мы ведь, похоже, хорошо знали друг друга, правда?

Белла, понимая, что Катя не шутит, слегка отстра

нилась и, глядя ей в глаза, спросила:

— Что, вообще? Вообще ничего не помнишь? А где ты сейчас живешь? Вы с Женей? Ваш ребенок... — Она осеклась. — У вас есть дети?

— С Женей?! Почему с Женей?

— Во дает! Походу у тебя с головой и вправду — беда, если даже Женю своего забыла. Идем ко мне. Пообедаем в моем ресторане, поговорим. — Она взяла Катю под руку и повела к «мерседесу».

Отъехали они совсем недалеко — свернув с площади, Белла остановила машину на соседней улице возле заведения «Ресторан „Баку“», оказавшегося просторной шашлычной с эстрадой в глубине зала.

ГЛАВА 2

09.09.2006 12:00

Сначала они молчали. Белла уплетала сочный шашлык, попивала, рюмка за рюмкой, коньяк, а Катя будто не замечала стола с аппетитными кавказскими

34

яствами и ни к чему не притрагивалась. Чувствовалось, что она вотвот расплачется. С глазами, полными слез, она наконец сказала:

— Восемь лет я не помнила ни город свой, ни отца с матерью, ни себя — ничего, смотрела на старые фотографии — и хоть бы что шевельнулось. Теперь я хочу все знать. Расскажи мне!

Белла перестала жевать, взяла графин и плеснула в рюмочки.

— А оно тебе надо? На вот, лучше выпей!

— Мне нельзя. Я пью только таблетки.

— Не пьешь, значит. И не куришь? А где танцуешь?

— В смысле?

— Понятно. Не танцуешь, не куришь и, как я вижу, не ешь. Так какая же ты Катька? Подруга, может, ты походу ангел? Может, и дырочка у тебя заросла, Катюха? — ухмыльнулась Белла.

Но Кате было не до шуток:

— Пожалуйста, хватит прикалываться. Ты же знаешь, что со мной было, — расскажи.

— Хорошенькое дело! А если тебе не понравится? Ты теперь такая правильная сделалась. Может, походу не надо, может, ты спецом все забыла? Впрочем, как хочешь, мнето что?

Отставив рюмку с коньяком, Белла довольно улыбнулась:

— Хорошо. Знаешь, как я тебя в первый раз увидела? Вернее, мы со Стрелкой. Стрелка, кстати, уехала в Москву, но походу у нее там все плохо. У них там своих блядюг — как грязи. Так вот, началось это все как раз в девяносто восьмом, когда ты не поступила в театральный, и твой Папаген пристроил тебя к нам в варьете.

— Погоди, какой папа Гена? Моего отца звали Федор Андреевич!

— Ты и Папагена не помнишь? Да, бедненькая, крепко ты походу ударилась. Теперь, значит, придется все это заново переживать.

35

— Что — переживать?

— Ну, что с тобой было — весь этот бардак, который обрушился на тебя тогда. Слушай, а ты не заливаешь, что не с Женей живешь?

— Нет. Моего мужа зовут Григорий. Мы с ним уже восемь лет. Я очень его люблю. У нас дочка — Аня. Я покажу фотографии, хочешь?

Белла кивнула. Катя достала из сумочки и положила на стол семейную фотографию, на которой они с Гришей и Аней символически чокались хрустальными бокалами с соком. Белла, потянувшись за фотографией, опрокинула на стол графин. Коньяк с веселым бульканьем стал выливаться из горлышка, растекаясь по скатерти и заливая чету Дроздецких. Обе женщины замерли, глядя на фотографию: Катя, потому что ее заливал коньяк, а Белла, потому что увидела там что-то странное.

— Как ты мизинецто отгибашь! С понтом, — схватив и вытерев фотку, Белка внимательно вглядывалась в нее. — Девка — копия ты. А мужика я походу откудато знаю. Он у ты не доктор?

— Доктор. — Кате стало неприятно, что разбитная Белка знает Гришу, и она поспешила убрать фото в сумочку.

Рассеянным вниманием же Белки тем временем завладел новый объект. На эстраде ресторана началась репетиция танцевального номера: две красивые девушки и юноша — все затянутые в черные трико — изображали любовный треугольник, девушки — русая и брюнетка — по очереди танцевали с кудрявым блондином страстное танго.

— Смотри, — обратилась к Кате Белка, — как он на Женьку похож. Я его сама на кастинге отобрала. Но

наш кобель походу посмазливей был. Хотя я бы и с этим походу...

Катя смотрела на сцену и чувствовала, что ее сознание начинает уплывать. Слова рыжей Белки те

36

перь доносились издалека. У Кати перед глазами стоял другой танец на сцене какого-то варьете. Она знала всех, кто здесь был. В зале сидели только хозяин заведения Павлов, его жена Лена, директор и хореограф. Катя, совсем молодая, с партнером на авансцене, сзади — кордебалет. Она слишком естественно прижимается к Жене. Хозяин клуба недовольно кричит:

— Ну, это Бежар какойто, нах. Надо чёто попроще, у нас же не Большой, нах, а ночной.

Обиженный хореограф отвечает:

— Ну, извините, я учился у Папагена, может, вам просто стрип устроить?

— Чё быкуешьто? Я тебе деньги плачу, нах.

Бледная Лена, неотрывно следящая за сценой из под черных очков, начинает потихонечку терять сознание. Это замечает ее супруг и диким голосом ревет:

— Врача! Срочно, нах. Воды!

Он хватает Лену и выносит на воздух. Лена теряет по дороге очки. Катя и Женя выбегают за ними. На улице Лена, открывая глаза, улыбается, обхватывает Павлова руками за толстую шею и говорит:

— Павлов, какой ты иногда бываешь *bieno!** Поехали домой. Надоели мне твои вертижопки.

ГЛАВА 3

09.09.2006 11:30

Услышав долгий звонок в дверь, курившая на кухне Виктория поморщилась: странно, кто это с утра пожаловал? Она зевнула, запахнула халат и вышла в коридор. Посмотрела в глазок, снова поморщилась и открыла дверь. На пороге стоял мрачный Григорий

37

* Милый (*исп.*).

Дроздецкий. Виктория кисло улыбнулась и хрипло по приветствовала гостя:

— А, глава семейки! Я думала, что ты еще вчера прискачешь.

Григорий недобрым взглядом окинул ее махровый халат, изпод которого торчали мужские пижамные

брюки, сигару в пальцах, и, слегка отодвинув Викторию в сторону, прошел в квартиру.

— Прочь, нечисть! Не вижу повода для веселья.

Он без приглашения вошел в громадную кухню и сел на табуретку.

На кухне был легкий беспорядок, на столе — початая бутылка коньяку. Григорий склонился и обхватил голову руками:

— Ну откуда, откуда вы взялись, почему от вас никуда не деться?

— Почему — от нас? Это нам от тебя никуда не деться. Я здесь уже семь лет живу, это вашу маньячную семейку сюда черти принесли. Кстати, где твоя добрая женушка, спит еще? — не теряла невозмутимости хозяйка.

В кухню заглянул до безобразия женственный мужичок с нелепой жиденькой щетиной на бледном лице. Он беспокойно посмотрел на гостя, затем — на Вику:

— Все в порядке, Викочка?

— Да, милый. Старый знакомый пришел, еще по Коламску, ты его не знал. Коллега. Теперь вот — светило кардиологии. Мы быстро, ты иди пока к Катюшке.

Как только существо скрылось за дверью, Григорий поднял голову и истерично заголосил:

— Вика! Виктор! Викочка! Мы ж договорились: связь держать телефонную, друг к другу не соваться! Что, трудно, что ли, было отзваниваться раз в год? — А зачем? Москва — город не маленький. Кто ж знал, что девчонки друг друга найдут? Абсурдное со
38

впадение! Я как твою благоверную увидела — решила, что подстава. Ан нет, просто ты, придурок, умудрился квартиру в моем дворе купить! Польстился на престижный район или соскучился?

— Если б я знал, что ты здесь живешь, за километр объезжал бы. Отзваниваться надо было. Связь держать!

— Ты вообще, чего тут нюни распустил. Восемь лет у меня рот на замке, а общаться с вами, связь держать, весь этот бред провинциальный поддерживать — извините, на хуй! Начитались в детстве Дюмов с Конан Дойлами. Я ни от кого не прячусь, фамилию не меняла. Если б вам с попом нужна стала, нашли бы с пол

тыка. Я никакого контроля не терплю, но слово держу, молчу в тряпочку.

— Слово держишь? Да ты ж даже не знаешь, кто ты! Бабамужик?! Все несчастья мои от вашей грязной семейки. От Жени твоего, кобеля несчастного. Виктория резко встала и неожиданно сильно при печатала шею Григория к столу.

— Ты, гнида, брата моего не трожь. Если бы вы мужиками были, ты да Павлов, да другая пьянь, глядишь и не пришлось бы нам все это ваше дерьмо разгребать, нам — бабам!

Григорий яростно трепыхался, но вырваться не мог. В кухню опять заглянул мужчинка и тут же испуганно исчез.

— Что?! Сильные руки у пластических хирургов?! Это тебе не сонных баб по ночам душить, Гиппократ хренов!

Григорий перестал дергаться и начал жалобно скулить.

— Что? Виктория?! Ну и кто бабамужик?! Тьфу.

Виктория ослабила хватку, Григорий выпрямился. Какоето время они сидели молча, не глядя друг на друга. В кухню важно зашла толстая кошка, выгнула спину, заурчала и нагло запрыгнула Григорию на ко

39

лени. Он нервно спихнул ее. Виктория начала томиться затянувшейся паузой.

— Ну, ладно, коллега, мир. Ты чего помолчать пришел или поругаться?

Григорий ответил Виктории, не глядя на нее:

— Нет, шею помассировать. — Он ощупал шею. — Синяк будет. Ты чего ей вчера такое ляпнула, что она, как угорелая, в Коламск помчалась? Прошное искать. Не дай бог найдет.

Викина бровь удивленно взлетела:

— Ооо, беда! Я ведь не меньше тебя переполошилась, когда ее увидела. Я ей ничего такого не говорила, веришь? Ни полслова. Ни полунамека. Так потрепались о детях, две домашние клуши. На голову она жаловалась — это правда, а ты чего за ней не подорвался, не вернул?

— Я под утро пришел, а там письмо, — обмяк гость и протянул Виктории Катину записку.

Она с интересом пробежала ее глазами.

— Да уж. Видно, всетаки живет у нее чегото там

в головенке, тлеет, ворочается, химикатами недобитое. Сначала Катька моя, потом я — катализировали процесс, вот и дернулась. Да ты не переживай так — чего она там найдет — еще большую кашу, чем в своей башке. В нашей истории черт ногу сломит. Ты, я да поп — больше никто в этом мире правды не знает, но нужна ли она кому-нибудь — это другой вопрос. Нака, глотни «Годэ». — Виктория достала из шкафа бокал и налила коньяку почти до края.

Григорий молча взял бокал и, отхлебнув из него, сказал:

— Значит, ты ничего не сказала. Я всегда надеялся, что ты не подведешь, даже когда след твой потерялся, я Отца успокаивал. Он, кстати, звонил мне сегодня, она с утра уже у него была, его чуть кондрат не хватил. Я хотел приехать, а он говорит, сиди тихо, тебя здесь не хватало, паникера. Твое дело — людям жизнь спа

40

сать, а мое — душу успокаивать, сам управлюсь. Говорит, в глазах у нее святость увидел, совсем свихнулся. Восемь лет я с ней, в глазах ее только преданность собачья.

— Ну а чем не святость? Завидую! Выглядит она, кстати, отлично. Ладно, Пантелеймон — кремь и мозг, он все вырулит. В конце концов, кто, если не он? Так что вернется через пару дней твоя птичка в клетку, походит по родным камням, помолится, на могилке предков поплачет да прилетит к птенчику. Мне Катька все уши прожужжала про Аньку вашу, прямо влюбилась, по самые эти самые...

Злобно взглянув на хозяйку дома, Григорий поморщился:

— Не стыдно тебе про детей так.

Виктория, не обращая внимания на огненные взгляды гостя, пыхнула сигарой.

— Я ж в хорошем смысле. Я за свою Катьку любого задушу, извини, опять сорвалась.

— Да, ладно, — сдался грозный Гриша. — Я свою Аньку тоже до смерти люблю. Давай, что ли, выпьем за нежданную встречу, за детей наших любимых да чтоб все обошлось.

— Тихо, тихо. Чтото разогнался ты, давай сначала за Катю выпьем, за святую нашу, за ее большое сердце.

— Никогда не понимал, когда ты шутишь, а когда серьезно, — сказал Дроздецкий, заглатывая душистый

коньяк.

К нему на колени опять запрыгнула кошка. Григорий, немного успокоившись, погладил ее:

— Киса, киса, хорошая кошка.

Виктория криво усмехнулась:

— Это кот. Русский голубой кот, кастрированный, правда. Мужиков, гад, очень любит, ни одного не пропустит. Еще бы. У нас в семье с мужиками не очень, дефицит.

— Кота случайно не Женей зовут?

41

Вмиг с Виктории слетело все ее напускное благодушие:

— Пошел вон, дурак! Анька твоя пусть приходит, а ты чтоб на двести метров не подходил.

ГЛАВА 4

09.09.2006 12:30

Катя пришла в себя оттого, что Белка прыскала на нее водой из графина. Она была все в том же ресторане, рядом Белка — заглядывает в глаза. Вроде бы отпустило, и что с ней случилось минуту назад — не понятно. Мысли обрели былую четкость. На сцене стало пусто, танцоры исчезли. Белла смотрела на нее с неподдельной жалостью в глазах:

— Бедненькая, как ты его все-таки любила. А познакомил вас Папаген. Помнишь Папагена?

Катя отрицательно покачала головой, не в силах что-либо сказать.

Тогда Белла с готовностью взяла инициативу в свои крупные руки и начала рассказ:

— Тебя в клуб к нам Папаген пристроил. Ты такая смешная пришла, совсем зеленая еще, ну ясное дело, только после школы. Танцевала ты просто класс! Это все отметили. Нам со Стрелкой ты походу сразу понравилась. И Женькагей запал на тебя капитально.

Катя уточнила:

— Так я с Женей в клубе познакомилась?

— Да нет же, ты уже до клуба с ним была знакома, вас Папаген познакомил, папашка твой настоящий и твой учитель танцев, старый сводник.

Пытаясь связать новые факты своей биографии со старыми знаниями, Катя спросила:

— Значит, я с детства танцами у собственного отца занималась? Как моя мать могла все это от меня скрывать?!

— Ну, походу это ее тоже нервировало. Ведь как только Папагена инфаркт свалил, она тебе все и выложила. Только ты к тому времени уже беременна была от Женьки! Вот почему я тебя и спросила сразу, не от Женьки ли у тебя ребенок! Но подожди, это все не по порядку. Я вперед залезла. Ты точно выпить не хочешь, а то давай коньячку?

Бред сумасшедшего! Но не верить Белле не было оснований, и все, что Катя могла делать сейчас, — это только слушать и запоминать, потом она сядет и во всем разберется, а пока надо сохранять светлую голову. Белла продолжала вопросительно смотреть на нее, Катя вспомнила — она же задала вопрос, надо было отвечать:

— Нет, нет, я же говорила! Не могу, я на лекарствах.

Ее старую знакомую такой отказ ничуть не смутил, похоже, она привыкла пить в одиночку:

— Ну как знаешь, подружка. Походу странная штука жизнь. Надо ж как тебя приложило! — Она уверенно налила себе очередную рюмку и выпила одним махом. — Ну так про что я? Короче, ты, как пришла к нам, сразу влилась в нашу теплую компанию, помнишь Сережку, я тогда с ним встречалась? Сторчался он и помер. Ах да! — Беллу уже заметно развезло, движения стали размашистыми, голос — громким. Она махнула рукой: — Куда тебе. В общем, сдружились мы здорово, ну и понятно клубились по всем значным местам, вот тогдато ты с Женькой и схлестнулась! Какой у вас бурный роман был! Мы все в шоке были, весь город тогда Женьку голубым считал. Правда, я так и не могла понять: откуда такие дурацкие слухи поползли, ведь вечно его с какимито бабами раньше видели! С Жанкой, например, или с Риткой. В общем, лямур у вас был писдецкий! Походу если б не твои проигрыши в казино, может, все и подругому бы было!

Стул пошатнулся, новый оборот истории Катю встряхнул и вывел из оцепенения:

— Какие еще проигрыши?

— Да, мать, ну ты даешь, все забыла! Ты меня прости, но все как в анекдоте и получается. Да ты ж в жуткие долги влезла, денег нет ни хрена, а все ту

да же! Да тебя же от рулетки не оттащить было, мы ничего поделать не могли! «Мне повезет! Мне повезет!» — как зомби блин. А за деньгами к кому? — Конечно, к Сашке Павлову. Я, кстати, его с зоны дождусь и брошу своего Вахида с его сраным рестораном. Вахидато я у Стрелки отбила... А нечего, подруга, клювом щелкать! А теперь мой Вахид торчит неделями в Москве — дела там, стрелки. Стрелка, блядь! Узнаю — закажу обоих на хрен, — окончательно сбилась на свою судьбу с Катиной, изрядно набравшаяся Белка. — Да, прости, значит, Павлов. Вот мужик так мужик. Как прижмет... Он парень добрый, никому походу не отказывал, но ты — дура — его терпеть не могла, а кого еще просить? Вот ты к Ленке Павловой, подруге своей, и побежала! Я говорила тебе: не связывайся с ней — стерва она, а ты заладила: нет, она хорошая! Хорошая — с говном сворошенная! А я как чувствовала, все в последствии и открылось: она же и подговорила собак павловских тебя трясти да счетчик крутить! Павлов оказался вообще не в курсах. Вот и влипла ты по уши. Долгов немерено, от премьеры тебя отстранили...

— А почему? — Катю нелепая история Белки уже не пугала, а наоборот, начала забавлять, она совершенно не могла поверить, что все это происходило с ней.

— А нечего было вставляться и в обмороки при всем честном народе на генеральной репетиции грохаться! Вот тут и выяснилось, что ты брюхатая наркотка! Как тебя было оставлять в труппе? Ясное дело, тебя и попросили! Женька — кобель несчастный — сразу тебе: делай аборт, у меня карьера, мне еще рано

44

семьей обзаводиться! Гад ползучий! А тем временем тебя собаки Павлова стали за долги прихватывать, походу! Мало того, и Папаген в больницу загремел. Вот тогда тебе мамашка все о нем и выложила!

— И что же я? — иронично спросила Катя.

Белка опрокинула очередную рюмку.

— Чточто, говоришь ей: не могу я, мама, во лжи с тобой жить, и ушла из дома к Женьке! Ты все к Папагену своему в больницу бегала, ну плохо ему было очень, он вскоре и помер. А отец твой, ну в смысле отчим, совсем от расстройства крышей тронулся и в один прекрасный день таблетками и объелся. А ты потом сразу делась кудато. Кто говорил, что в Москву,

кто еще чего придумывал. Женька, сволочь, ничего не хотел говорить, только ходил с какимто загадочным видом. Чтоб его! А у нас и в клубе чертте что тогда творилось. Ким — это наша гримерша была, узкогла зая, помнишь ее? Ты с ней еще сралась все время. Тоже кудато бесследно пропала еще до тебя, так и не нашли. Женькато твой с ней походу очень близок был когдато, оченьочень. Слушай, подруга, а ведь Ким то эта была женой твоего нынешнего мужа — доктора Раздецкого!

— Дроздецкого. О господи! Час от часу не легче.

Так я с Ким изза Гриши ругалась? — Фамилия лю бимого мужа вернула Катю к реалиям. «А вдруг вся эта галиматья — правда?» — пронеслось у нее в го лове.

— Неет! Изза Женьки. Не сбивай меня. Я и так сама собьюсь. Короче: Ким пропала, ты пропала — в общем, невеселая какаято пежня началась. Только Ленка ходила довольная, аж смотреть противно. Я это на беременность списывала — они давно с Сашкой ре бенка хотели, но чтото не получалось у них. Она как шелковая тогда стала, просто ангел, куда весь своло чизм делся? Но Павлов ее все равно грохнул. Бейс большой битой по башке. На девятом месяце. Пиздец!

45

Все изза Женьки. Павлову какаято сука записку под кинула, что у Ленки ребенок от этого пидора. Ну а по том мы узнали, что ты в тот же день в аварию жуткую попала, тогда же и Женька пропал бесследно. Кобель, он и есть кобель, лучше б он и вправду был голубой. И тебе жизнь испортил, и Лену загубил, и Павлова в тюрьму отправил. Тыто вон, молодец — муж, дочь, а Ленкато на кладбище. Сашка сидит, еще лет семь ему, походу бедолаге. Вот так вот. Правильно, его коз ла быстроногого кастрировали!

— Кого — Павлова?

— Да нет же, Женьку твоего! Ромео недоделан ного!

Ну это уже был явный перебор, может, во чтото она и поверит, но в такое! Кто уж что придумал, она потом разберется, а пока Катю пробил нервный смех:

— Как кастрировали, кто?!

— Уж не знаю, правда ли. Но говорили, что Ленка перед смертью ему банан отчикала, под самые поми доры!

— Боже, какой мрак, какая грязь!

— Да ладно, не убивайся. Может, врут. Женькато пропал с тех пор. Ни слуху ни духу. Я думаю, убили его, а может, он сам этот слух распустил, чтобы отстали от него, не искали. Павловто, он и на зоне Павлов, он и оттуда бы кобеля этого достал. Знаешь, как он убивался, на суде плакал, что Ленку да дитя невинное загубил. Я Сашу так жалела! Не с той бабой он связался. Ленато хоть красивая, но походу бессердечная была, порок сердца — это ж надо какой точный диагноз. Порок и есть порок.

— Нельзя так про покойницу. Нехорошо это.

— Может, Катюха ты и права. Я, грешным делом, Ленку эту не любила, даже боялась. Вид этот ее походу вечно похоронный. Когда узнала я, что у нее ребенок от Женьки должен был быть, у меня прямо в башке как прояснилось: Жанка задушенная да утоп

46

ленная, Ритка пропавшая, потом ты — все одних рук дело. И не маньяка коламского, как Стрелка считала, а ее ревнивой сучки, Ленкииспанки. Женькуто, понятно, Павлов замочил, концов не найдешь. А всех остальных — точно Ленка. Сама или руками гориллы своей глухонемой! Как ее не стало, так в городе люди и не пропадают, так, драки пьяные да бытовуха обычная.

— Чтото ты подруга совсем напилась походу, — передразнила Беллу уставшая Катя. — Как же меня Ле на ваша убила, если вот она я, с тобой рядом сижу? Чтото не сходятся концы с концами в твоей страшной истории!

— Ой, прости. Да и хуйто с ней, с этой Леной.

Померла и померла. Я походу и правду нахерачилась как свинья! Я так рада, что ты объявилась! Как мы с тобой тогда зажигали! А поехали ко мне домой, возь мем кокса, водилу моего, мальчишку из балета, на которого ты запала. А? Тряхнем стариной?

«Хватит, хватит! Все, полнымполна моя коробочка, хватит с меня „гламурного“ прошлого. Пора принять хорошую пиллюлю», — шумело в голове у Кати.

— Ладно, Бел, спасибо тебе. Хватит мне, пожалуй, на сегодня. Хорошего понемножку. Пойду, лекарство приму, отдохну в гостинице. А то чтото дурно мне. Мутит.

Расцеловавшись напоследок со старой подругой и

пообещав, что обязательно еще увидится с ней, но не оставив своих координат, Катя побрела в гостиницу, переваривать помои, в которые ее окунула Белла. Она никак не ожидала такого каловорота и была уверена, что большая часть рассказа — пьяный бред. Роман с местным мачо — возможно, варьете, казино, наркотики, долги — тоже, наверное, могло быть, а вот истории с отцомпедофилом, отчимомсамоубийцей, пропавшей Ким, оказавшейся Гришиной женой, бейсбольной битой в голове у беременной маньячки Лены

47

и кастрацией геякобеля явно дурно пахивали. «Бред рыжей кобылы!» — подумала Катя и нервно засмеялась. Вместо облегчения она чувствовала обиду, злость и брезгливость. А еще ей очень захотелось обнять надежного доброго Гришу и любимую малявку. Пыл исследователя заметно поугас. «Отдохну, на кладбище — и пулей домой», — решила Катя.

ГЛАВА 5

09.09.2006 14:30

Газета еще пахла типографской краской и пачкала руки. Ну и пусть, он откроет газету и прочтет ее всю от корки до корки, и пока не дочитает последнюю строчку, он не будет смотреть на часы и прислушиваться к телефонам. Да, она все-таки уехала, и от нее нет никаких известий. Ладно, он постарается, он справится с нервами и не будет попусту психовать. Он аккуратно положил обе телефонные трубки — и городскую, и мобильную рядом. Ну а вдруг она все же позвонит...

Звонок в дверь раздался как раз в тот момент, когда Григорий развернул газету. Не ожидая ничего хорошего, он с опаской пошел к двери. На пороге стояла сияющая Виктория с бутылкой коньяку в руках. Она прямо вся светилась, может быть, это впечатление складывалось от белоснежного джемпера свободной вязки и светлых вельветовых брюк, что были на ней. Изза ее спины выбежала Катюша, навстречу которой из детской бросилась Аня.

— О! Катька! Привет, ты откуда?

— Мы к вам в гости. Пойдем играть!

Григорию ничего не оставалось, кроме как впустить гостей в дом:

— Ну, проходи, раз пришла.

Григорий и Вика в молчании прошли на кухню, сели. Она поставила коньяк на стол, он — бокалы.

— Ну?! Чего пришла? Соскучилась? У меня новой информации нет. — У Григория не было никакого желания общаться.

— У меня есть. Правда, не очень новая, но думаю, очень важная для тебя. Только пообещай, что ты выслушаешь меня и не будешь перебивать и ёрничать.

— Только что мамашку твою видели по телику. Звездища Маша Королёва со своими нетленками. Поет хуже, чем выглядит. Больше тридцати не дашь — отличная работа.

— Спасибо, коллега, мастерство не пропьешь, ты же знаешь. — Виктория разлила коньяк по бокалам.

— Это смотря, как пить. Мама твоя, кстати, как ты? Или с мужиком живет?

— С мужиком. Меня, Гриш, твои подколки не достанут. Я ведь лесбиянка очень специальная, вынужденная, можно сказать. Сложно было каждому кобелю в кампусе объяснить, почему в моей жизни может быть только один мужчина — вот и стала розовой. А потом еще и «трансом». К докторумужчине по чемуту доверия больше. Хотя не скрою — мне нравится жить с бабами — они не такие подлые предатели, как вы.

— И кто же тот счастливый единственный?

— Предатель? Мой брат Женя.

— Ой, может, лучше обратно в лесбиянки? — Григорий криво улыбнулся и поморщился.

— Это очень грустная история, но придется меня выслушать, зато в конце обещаю рассказать очень важную вещь про тебя.

— Я весь внимание. Только, если можно, без физиологии.

— ОК. Все банально. Двое одиноких, брошенных богемной мамашей детей. Всю любовь и ласку мы сосредоточили друг на друге. Ну, когда не дрались и не ругались, конечно. Женька сначала был моей любимой игрушкой, потом моей лучшей подружкой. Но ду

мать о нем, как о мужчине — бред, табу. Он же мой младший брат. Когда это вдруг случилось с нами так нелепо и неожиданно — мне некогда было рассуждать о причинах. Мы барахтались в кровати — ему четырнадцать, мне девятнадцать. Кажется, он хотел меня утешить... В одно мгновение я поняла, что это муж

чина моей жизни, что теперь мне больше никто не нужен, а также всю невозможность и преступность происходящего и ценность каждой следующей секунды. В любой момент мое счастье могло кончиться на всегда.

— У вас же, кажется, разные отцы?

— Да. Но это не важно, не перебивай, пожалуйста. — Вика закурила. — Я всегда была умненькая девочка и понимала, что мы делаем то, что нельзя, и расплата неминуема, но именно поэтому решила идти до конца, обратной дороги не было, и мы шесть суток подряд занимались любовью, а в промежутках клялись друг другу в верности и плакали от счастья. Он был такой нежный и неудержимый — мой Женя.

— Я же просил... — Григорий опять брезгливо поморщился, но Вика не обратила на его ужимки внимания.

— Извини. Мы почти не спали и почти не ели. Весь мир исчез — осталась только наша комната, мы перерезали телефонные провода и в конце концов перерезали бы и вены, но слишком ослабели друг от друга. Сил не хватило даже, чтобы забаррикадироваться. И нас нашла добрая мамаша.

— Бедная певица!

— Денег бедной певицы хватило, чтобы разлучить нас с Женей на шесть лет. Я сдержала клятву в вечной верности, а он нет. — Вика замолчала. Она продолжала курить, не глядя на своего собеседника.

— Что ж, очень романтическая история — сойти с ума и умереть от любви — все это мне понятно. Слава богу, все живы, — констатировал Дроздецкий.

50

Вика молча закатала рукав и показала Григорию руку — от запястья до локтя она вся была исполосована шрамами.

— До Сорбонны мать успела поддержать меня в дурке. — Вика повернулась к Григорию: — Не хочешь рассказать, почему ты решил, что сам задушил свою жену?

Неожиданный вопрос подействовал на Григория как ушат холодной воды. Он вскочил, уронив тонетовский стул, кровь прилила к лицу, вены на шее вздулись, потеряв контроль над собой, он закричал:

— Ты обещала держать язык за зубами! Слышала звон, да не знаешь, где он.

За окнами, как будто в насмешку, начался веселый колокольный перезвон, от этих звуков Григорий пришел в себя. Он поднял стул и снова сел, обхватив голую руками.

— Я знаю, что ты ее не душил, и знаю, кто это сделал, но мой рассказ — в обмен на твой. Это важно. Так почему ты считаешь себя ее убийцей?

Григорий, не торопясь, налил себе коньяка, залпом выпил, вытер рот рукой и только после этого начал говорить:

— Черт! Господи, прости. Ладно, слушай. Это случилось на последнем курсе. Шестнадцать лет назад я возвращался с лейтенантских сборов — на день раньше, чем все меня ждали. Через месяц у меня должна была быть свадьба, и я напрямик рванул в общагу к Таньке — своей невесте. Хотел сделать ей сюрприз. Жила она на первом этаже, поэтому залез я к ней в комнату через окно, а там моя Танька кувыркается с сирийцем — нашим однокурсником. Не помню, что дальше было, но, по рассказам свидетелей, еле оторвали меня всей общагой от Танькиного горла. Скандал был капитальный. В общем, замять дело не удалось — получил я срок условно, из института меня выперли, стал я бухать и очень сильно себя жалеть. В общем,

51

малодушничал. Про хирургию свою и думать забыл, хотя подавал большие надежды. Пошел в больницу санитаром — сутки через двое. Сутки пил, сутки в себя приходил, сутки работал. Если бы не Рита Ким — пропал бы я тогда. Ее в нашу больницу привезли после того, как любера на панковский концерт в какойто клуб налетели. Ким тогда тусовщицей была, ну и ей, самой яркой, конечно, больше всех перепало. Я ее как в палате увидел — сразу влюбился. Она такая необычная была, как тропический цветок, ну и жалко ее было — вся побитая. Стал ей апельсины таскать, цветы какието, деньги экономил, даже пить перестал. В общем, спасла меня любовь к Ким от беспробудного пьянства. Стал я в себя приходиться потихоньку, Ким меня заставила в институте восстановиться. Получил я диплом с отличием, и распределили меня в Коламск. Ким из Москвы никуда уезжать не хотела — там ее тусовки, веселье, клубы, друзья, музыканты, но я ее убедил. Карьера у меня впереди нарисовалась нешуточная, место вакантное в одном из лучших московских

кардиологических отделений меня ждало. Нужно было только поработать лет пять в Коламске. Мы с Ким поженились и отправились в провинцию.

Я надеялся, что моя любовь сможет заменить Ким ее привязанность к тусовке, но, как оказалось, напрасно. Заскучала моя экзотическая птичка, нечего ей было делать в Коламске, впала она в депрессию. По образованию Рита была художницей, вот я и устроил ее через свою постоянную пациентку — Лену Павлову — гримером в ночной клуб ее мужа. Ким обрадовалась новой работе, тут же закорифанилась со всеми — она ж простая у меня была, своя в доску, только прошла пара лет, и пошло меня на ревность пробивать, стало мне казаться, что кончается наша любовь, какойто не такой стала Рита, загадочной чересчур. В общем, начались у нас скандалы, потянуло меня опять к стакану, а тут еще со всех сторон злые языки стали нашепты

52

вать мне, что, мол, у Ким с Женей Королёвым точно чтото есть. Пару раз мы с Ритой реально поскандалили, до мордобоя дошли, она вообще резкая девчонка была, спуску мне не давала, ну и поймал я себя на том, что держу ее за горло, испугался страшно, извинялся перед ней, на коленях ползал, неделю не пил. А тут приходит ко мне Лена, у нас с ней очень теплые в то время отношения были, и подружески рассказывает, что Ким с Женей шоркаются в клубе средь бела дня, никого не стесняясь, вот так вот. Ну слетела опять моя планка, напился я в тот вечер до полного посинения. Помню только, как пришла Ким домой, вопли, суе ту помню, а дальше — только, как утром проснулся, еще и заря не занялась. Лежу в кровати — рядом Ким, мертвая, на нежной шейке — следы от удушения. Час, наверное, я рядом пролежал без движения и без всяких мыслей в голове, кроме одной — «опять!». Пришел в себя — вывез бедную свою жену подальше в лес, закопал и к отцу Пантелеймону — каяться. А что еще мне было делать? Не в милицию же идти. Отправил меня святой отец монастырь восстанавливать — так и началась у меня новая жизнь — больница да монастырь. Проклял я свою несчастную судьбу — решил, что никогда уже в моей жизни ничего хорошего, кроме работы, не будет. Сердце мое было переполнено виной, страданием, и хотелось только одного — искупить свой грех перед Ким. Пить не мог, с похмелья паника

была страшная. Только работой и спасался. Ну а потом встретил я отчаявшуюся Катю на мосту, понял, что могу еще быть комуто нужным, и у меня нечто стало отходить от сердца, а дальше ты все знаешь сама...

— Ясно. Ты почти такой же безумец, как я. Чуть что — за горло неверную. Или все — или ничего. А если я тебе скажу, что знаю, кто задушил Ким, — у тебя совсем отойдет от сердца?

— Что ты тянешь жилыто?

53

— Ну ладно, ты сам попросил. Лена. Это сделала Лена.

— Не может быть! — Григорий опять вскочил, но на этот раз он прошел через всю кухню и тихо прикрыл дверь. После этого вернулся к столу. Стоя, налил себе полный бокал коньяку и залпом его осушил. Потом опять уселся на табурет в той же позе — обхватив голову руками. — Не может быть.

— Я сама слышала, как она в этом призналась, правда, не видела. Дословно это звучало так: «Одну твою сучку я уже грохнула. Придушила косоглазую. Докторишка ее рогатый до сих пор убивается, на себя думает. Бухать надо меньше».

— Расскажи подробнее!

— Хорошо. В тот февральский вечер я была у Жени — он был в серьезной депре изза исчезновения Кати, винил себя во всем. У него уже месяц никого не было, он нуждался во мне и сам попросил меня приехать, это был тот самый шанс, который я так долго вымаливала у судьбы. Мы снова должны были стать любовниками. Так решила я, но жизнь решила подругому. Я только вышла из ванной, Женя был в соседней комнате, как раздался звонок и в квартиру завалилась Лена. Свет Женя не включал, поэтому я их почти не видела, зато слышала отлично. Они внаглую занялись сексом! Беременность превратила обычную стерву в монстра, вседозволенность и безнаказанность развратили ее до основания. Я своими ушами слышала ее признание, хотя это было даже не признание, а хвастовство. Она просто глумилась, выливая на него всю свою грязь, хвасталась силой своей любви, позорила предателя Женю, а я сидела в соседней комнате, боясь пошевелиться и даже, не скрою, испытывала, кроме ужаса и отвращения, некое удовлетворение. Я мно

го лет подряд прятала под маской цинизма и безразличия такие же чувства, сколько раз мысленно я громила весь этот мерзкий мирок своего предателябрат

54

ца, этого безмозглого кобеля, изза которого я полома ла свою жизнь. Я даже прониклась сочувствием к этому страстному беременному монстру. Я была уверена, что они продолжают заниматься сексом, поэтому, выслушав исповедь Лены, была смущена ее последними словами: «Сдохни, кобель. Без него — ты ничто». Как только за Леной захлопнулась дверь, я влетела в комнату, включила свет и увидела брата на кровати: он сидел, одной рукой зажимая рану внизу живота, но кровь все равно продолжала хлестать на простыню, а в другой руке он держал, как свечу, сжав побелевшие пальцы, свой еще эрегированный член. Лицо Жени было бледнее простыни, глаза вылезли из орбит. Он беззвучно кричал. Болевой и моральный шок превратили его в статую Родена. Мой скорчившийся мальчик. Все это было так нелепо, страшно и в то же время смешно, что я в первое мгновение просто растерялась. Его рука протягивала мне член, словно новогодний подарок. Меня душил нервный смех, началась истерика. Я стала скакать вокруг брата, смеясь и прикалываясь от души. «Что, Женя, решил поделиться побратски со мной своим богатством? Это слишком крутой подарок, пожалуй, я не смогу его принять! Хотя нет, может, и смогу. Может, мне пришить его себе? А, Жень? Видишь, Бог правду видит!» Внезапно я наступила босой ногой в лужу крови и вернулась в реальность. Мой брат, любимый брат истекал кровью! Моментально придя в себя, я рванулась к себе в комнату, благодаря судьбу за то, что дежурный чемоданчик с инструментами был всегда со мной. Мне удалось почти невозможное — спасти основные нервы и сосуды, остальное доделали коллеги в Москве. Через два часа Женя, на колотый обезболивающими и с наскоро пришитым обратно пенисом, спал как младенец. А я сидела рядом, гладила его и пила коньяк, пытаюсь унять страшную дрожь в руках и спине. Меня колотило как в ознобе. Изза пережитого ужаса мне было не до переварива

55

ния исповеди Лены. Позвони я тогда в милицию, наша история закончилась бы той январской ночью, но я напилась, вырубилась без сил, а через пару часов ме

ня вернул из небытия звонок попа, он звонил Жене, но, услышав мой голос, стал кричать, что меня послал сам Господь, в общем, кошмар продолжался. Я собралась, наклеила усы, стала Виктором и поехала смотреть, как судьба распорядилась отрезательницей членов. Что было дальше, ты знаешь. Сообщить тебе тогда правду о смерти Ким означало — разрушить ту хрупкую паутину равновесия, которую мы наплели, и лишиться главного приза, дарованного судьбой, — Катки. Ты должен меня понять. Я думаю сейчас, через восемь лет ты сможешь взглянуть на весь этот коламский кошмар другими, спокойными глазами.

Виктория во время всего своего монолога сохраняла каменное спокойствие, чего нельзя сказать о Григории — он то ерзал на стуле и заламывал руки, то начинал сопеть и хмурить брови.

— Да уж. Спасибо я тебе не скажу. Я всегда знал, что не убивал Ким, где-то внутри знал. Верил в это. Но чтобы это сделала она? Это ужасно! Господи, за что ж ты меня так мучаешь?

— Ну ладно, я пойду. Я думаю, тебе надо побыть одному, поговорить с собой по душам. Я, кстати, послала Женю в Коламск, пообщаться с Катей. Восемь лет он просил меня связать его с ней, но я — камень. Камень у него на душе, ну а раз такое дело — я решила — пусть съездит, может, всем нам легче станет.

— Чего-то мутишь ты опять. — Григорий удивленно и недоверчиво уставился на Викторию. — Вся ваша семейка мутная повылезала опять, как со дна стакана поднялась.

— Значит, так и должно быть. Ты в Бога веришь, а я в судьбу. От судьбы не уйдешь, но можно попробовать. Я пробую. А муть со дна не я подняла. Так что

56

молись, чтобы я ошибалась. Катка и Анька — это наше все.

Виктория встала с табуретки и, уже стоя, допила коньяк, но медлила уходить, как будто хотела еще что-то добавить к сказанному.

Григорий махнул на нее рукой и схватился за голову:

— Да иди уже, и без тебя тошно. Хотя стой. Ты с Женей все это время общалась, а как же Катка? Он чего, не знает, что она его дочь?

— Он знает, чья она, и боится как огня. Будь здоров. Будут новости — позвоню, и ты звони, как соску чишься.

Вика вышла из кухни и позвала дочку.

Как только дверь за гостями закрылась, Григорий сразу бросился к образам и начал истово молиться.

ГЛАВА 6

09.09.2006 15:00

Желание разобраться со своим прошлым быстро угасало. Что здесь можно узнать через столько лет? Люди не могут вспомнить сюжет фильма, который смотрели вчера, или то, что с ними происходило неделю назад, а здесь — история восьмилетней давности. События той поры давно быльем поросли, пустили корни в легендах этого города, срослись и переплелись в сознании людей с другими происшествиями. Сегодня вряд ли кто-то сможет внятно пересказать эту историю, слишком много людей, связанных с теми событиями, ушли с этого света — нет уже родителей, пропал без вести Женя. Нет, нужно завязывать с частными расследованиями, ничего хорошего она здесь не найдет. Жила же она восемь лет без этого города и его стремных жителей и может обойтись без них и дальше. Никого она больше разыскивать не будет, примет лекарство, поспит и поедет в Москву —

57

там муж сходит с ума от волнения за нее, там ее ждет Аня. Все решено. Катя выпила лекарство. Но рассказ Белки никак не давал покоя. События не укладывались в голову в четкую картинку. Не получалось сложить последовательную цепь событий из безумной истории. И самое главное, все это безобразие не увязывалось с Катиным эго, чистоплюйкапамять отчаянно сопротивлялась, отторгая грязные эпизоды, хотя некоторые герои событий проступали в сознании все ярче и ярче. Катя вновь отпила воды из стакана, который так и держала в руке после приема лекарства. «Чушь, чушь, чушь! Жуткая ахиня», — пульсировали мысли.

В дверь постучали. Катя вздрогнула от неожиданности и расплескала оставшуюся на дне воду. Поставив стакан на стол, она пошла открывать дверь. На пороге стоял высокий мужик в светлой вельветовой кепке, с некогда красивым, а сейчас обрюзгшим лицом пьющего человека. Стильный бордовый джемпер плотно обхватывал спортивный торс под черным кожаным пиджаком нараспашку. Сильный аромат парфюма не

мог перебить алкогольного перегара. Стоило Кате открыть дверь чуть шире, как пришелец упал к ее ногам. Модная кепка упала на пол с опущенной головы, длинные светлые волосы закрыли лицо. Катя испуганно отпрянула:

— Господи, это еще что на мою голову?

Мужчина подполз к ее ногам и попытался их обнять.

— Катя, Катя родная, прости за все. Я видел, как ты зашла в гостиницу, ты стала еще красивее, прости меня.

— Да кто вы такой, наконец? Хватит ползать, ковер протрете. — Катя, никак не ожидавшая такого оборота, опасливо отступила к кровати и села на нее, не зная, что делать дальше.

Мужчина, все так же на коленях, вполз вслед за ней в номер.

58

— Это я, это я родная, это я во всем виноват. Такой дурак, кретин, как же ты меня простишь, если ты меня даже не узнаешь?

Он подполз к Кате, обнял ее за колени, поднял голову и заглянул ей в глаза. Трехдневная щетина на заплывшем безвольном лице, но глаза те же — голубые глаза самца, теперь полные слез, но потому еще более желанные.

— Жень?! Но откуда?

— Узнала, ангел мой! Моя девочка меня узнала, сможет ли она простить меня?

Катя закрыла лицо руками, чтобы скрыть неожиданные слезы, откинулась на подушку, на мгновение закрыла глаза и поплыла. Стресс и лекарство сделали свое дело. Перед ее глазами неслась неистовая постельная сцена, вперемешку с танцевальными па на сцене. Жень и Катя на сцене, в постели — бешеная страсть, сплетение тел, битва со стонами и кровью под ногтями. Катя, страшно возбудившись, потеряла на какое-то время контроль над собой, полностью попав под власть навалившихся воспоминаний, это было похоже на припадок. Она выгнулась дугой как дикая кошка, ее душил жар, она начала расстегивать блузку, облизывать жаркие губы. Жень, приняв ее состояние за призыв к действию, судорожно разделся и бросился к ней в постель.

— Простила, простила, я иду к тебе.

В глазах у Кати попрежнему крутилась любовная свистопляска. Она как зомби повторяла свои движения восьмилетней давности, но Женино лицо в наваждении начало резко трансформироваться, то это Женя, то какие-то разные незнакомые лица, их много, некоторые искажены гримасами, мелькает на долю секунды лицо отца Пантелеймона и, наконец, лицо Григория. Последнее подействовало на Катю как ушат холодной воды, она моментально пришла в себя и обнаружила себя в одних трусах в постели с голым (причитаю

59

щим «сейчас, сейчас, какая-то беда») Женей. Собравшись и развернувшись, как пружина, она сбросила Женю с кровати, тот упал и прикрылся, продолжая нудить:

— Прости, прости. У меня первый раз такое. Это от переизбытка чувств. Обычно все нормально, солдат стоит по стойке «смирно», а тут... Прости!

— Послушай! Меня абсолютно не интересуют твои половые проблемы. Я так понимаю, что у нас сейчас еще ничего не было?

— Ну, можно и так сказать. Но я...

— Не надо. Слава богу. — Катя тяжело, но успокоенно перевела дух, забралась под одеяло. — Женя, я, наверное, даже рада тебя видеть. И считай, что я тебя простила, хотя не знаю за что? За то, что было восемь лет назад, когда я избавлялась от твоего ребенка, или за то, что ты только что меня чуть не изнасиловал?

— Кать, ну ты же сама...

— Послушай, не мог бы ты одеться? Я после аварии все это время сижу на сильных таблетках. Перед твоим вторжением я их только приняла, мне необходимо поспать. Если ты хочешь действительно со мной пообщаться, приходи через час.

— А можно я посижу рядом с тобой тихонечко? Комната начала тихо кружиться, Женю окутал туман, стены номера плавно раздвинулись. Катя цепляясь за остатки сознания, замедляясь, пыталась объяснить:

— Женя, я замужняя женщина и больше всех на свете люблю своего мужа и дочь. Однако ты мне не кажешься опасным, и у меня нет сил тебя выгонять, и если ты обещаешь, что не будешь насиловать спящую больную женщину, то сиди.

Женя спешно затарахтел:

— Обещаю, обещаю, да, видно, и не смогу. Солдат то мой облажался.

60

— Это, похоже, для тебя страшнее всего, — Катя говорила не очень четким голосом, уже засыпая, — его же тебе вроде оттяпали.

Замечание нисколько не поставило Женю в тупик, он даже как будто встрепенулся:

— Ты и это знаешь.

— Женька, отвали, я сплю.

Катя провалилась в черную бездну сна.

* * *

Постепенно сквозь черноту начала проглядывать синева с голубыми бликами, откудато издалека проби вался тусклый свет. Катя в одной прилипшей к телу ночнушке пыталась вынырнуть из синей толщи воды. Вода, густая, как кисель, сковывала движения. Ни дна, ни поверхности не было видно. Катя задыхалась, с огромным трудом плыла все дальше. Сверху начало про глядывать солнце. Она подплыла к поверхности — это лед, судорожно стала биться о него головой и руками и наконец проломила. Лед крошился, полынья стано вилась все больше, наконец, хватаясь за край, усилием воли она вытолкнула тело наверх и... снова оказалась в толще воды. В панике, задыхаясь, она снова пыталась вынырнуть на поверхность, преодолевая страх, холод и сопротивление студенистой жидкости, но там ее ждал очередной лед. А сил больше не осталось.

* * *

Катя проснулась, тяжело дыша, как рыба на берегу. В комнате темнота, рядом с кроватью сидел одетый Женя и держал ее руку в своей. Катя посмотрела на окно, оно было не зашторено.

— Привет, чего так темно?

— Ночь на дворе.

— Сколько же я проспала?

— Часов семь. Бедненькая, как же ты намучи лась, так стонала. Эта проклятая авария, чертова Ле

61

на... Я Павлова ни в чем не виню. Ядовитых змей надо давить без жалости.

— Она же, кажется, была беременна? — Злоба, зву чащая в голосе Жени, почемуто раздражала Катю.

— Ага, от меня. — Женю передернуло.

— Как и я.

— Прости, прости меня. — Женя вновь начал всхлипывать и попытался обнять Катю.

— Ну вот, опять все сначала.

— Я любил только тебя, остальное так: спорт, велоселье. Мой солдат всегда рвался в бой, и я не мог его удержать.

— Смешно, смешно, теперь уже даже не больно. Время вылечило все, смешно мне теперь это слушать. Я собирала себя заново, память — это мой детский дневник и Гришины рассказы.

— Я помню твой дневник, дурацкий такой, с котенком. Ты мне его еще никогда не давала.

— Лучше бы я тебе вообще не давала. Влюбилась, как под лед провалилась, до сих пор тону. Дневник мой оборвался после выпускного бала, дальше все страницы вырваны. Больше я с такой дырой в памяти жить не хочу. А еще эта Вика стремная с дочкой. — Катя на мгновение замолкла, мелькнула новая мысль. — Подожди, но как же ты узнал, что я здесь? Григорий позвонил? Абсурд. Белка — не успела бы.

Женя легко и както даже задорно рассмеялся:

— Да просто все: Вика — это мой брат Виктор. Помнишь его? Она мне позвонила, сказала, что ты нашла, что ты здесь. Я так обрадовался! Гнал под двести, плакал всю дорогу. Думал, узнаешь ли ты меня, простишь ли? Восемь лет ждал.

— Угу, и сразу в постель, на бедную инвалидку — извиняться. Ты все такой же кобель.

— Да я сам не знаю, как это...

— Ну ладно, ладно. А что это у нас за колечко на пальце? Ты ж гад, еще и женат.

62

— Ну да, и сыну шесть лет. В садик ходит, правда, не мой сын — жены. Я, Катя, после того как чуть без солдата не остался, три года к бабам не подходил. Верись? В Москве хоронился, у мамы. Павлова боялся — жуть. Бухал, только с Викой общался. Мать меня в дурку к профессору Куренкову устроила, вот он меня к жизни и вернул, вернее, санитарка, которая за мной ухаживала. Она стала моей первой женщиной после той страшной травмы. Я так обрадовался, что солдат опять в строю, что тут же на ней и женился.

— Что за бред, называть свой член «солдатом»?

— Это у меня после дурки, мне так легче, спокой

нее — Куренков посоветовал.

— Ладно, офицер. Ложись рядом, ночь у нас с тобой будет длинная, солдата отпуская в увольнение, будешь мне сейчас рассказывать про нашу любовь — как все было. Только не ври. Мне Белка уже все про тебя, про себя, про Риту и про Лену павловскую рассказала. Тебе, кстати, ребенкато своего от Лены не жалко, что ли? Она змея, а ребенкато своего не жалко?

— А чего ее жалеть? Дуру здоровую — она ж с Викой, Катькато моя. Я близко к ней не подхожу, мне доктор запретил, чтобы стресса не было. Чтоб с солдатом чего, не дай бог. Она ж вылитая Ленка.

— Нука, нука! Ничего не понимаю, голова болит. Вика — Виктор, Катька твоя. Давай с этого места по подробнее.

— Да чего здесь непонятного? Вика — сестра моя, восемь лет назад бесилась с жиру, трансовеститом была. Ты ее видела у меня — с усиками. Лена, короче, ребенкато родила, когда она в коме была. Ребенка спасли, а ее — нет. Павлов ее крепко приложил. Вика моя какимто образом девочку удочерила. У нее самой детей быть не может — грехи молодости. Ну вот, сбывалась мечта идиотки, за деньгито все можно. Ты их в Москве и встретила, понятно?

Катя была окончательно сбита с толку.

63

— Занятно, дочь твоя и Лены? А похожа на меня. Почему?

— Катя, ну ты даешь! Да потому, что эта Лена чертова — твоя сестра по отцу. Он ее, правда, только перед смертью признал, а так всю жизнь игнорировал. Он тебя любил. Ты что, и этого не помнишь?

Второй раз за день Катя была абсолютно не готова к услышанному, у нее, оказывается, была еще и сестра.

— Ну вот приплыли. Мне уже Белка чтото про отца плела, почемуто про Папагена. Учителя танцев. Все вы танцоры — кобели! Ты сейчас как?

— Кобель.

— Я в смысле — танцуешь?

— Больше ставлю, маманя меня в «Доллз» устроила. Тебе про любовьто нашу рассказывать?

— Про любовь? погоди. Я ж никак родиться не могу. У меня в дневнике другой отец. Давай с отца начнем, с этого доброго и хорошего — человека и Папагена.

— Ну, ладно, слушай.

Часть III

«Вот и вся любовь»*

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

ГЛАВА 1

Êîêîêîâîñê. Âîñâîü ëâò íàçàä

Этим летом все продвинутые чуваки и чувихи го рода Колоколамска слушали только новую модную группу «Мумий Троль», а посадил их на нее главный мачо городка — Женя Королёв, строивший свою молодую жизнь по Илье Лагутенко. «Кот кота — ниже живота»* — с утра крутилось в отягощенной тяжёлыми думами, длинноволосой голове звезды кололамского ночного клуба. Женя был очень зол. Он шел по городу, засунув руки в карманы джинсов, и пинал консервную банку, которая случайно попала ему под ногу. Неимоверно ярко светило июльское солнце, уже который день стояла страшная жара. Голову напекло, футболка противно липла к спине. Он всю дорогу пытался идти в тени домов и деревьев, но это не всегда получалось, все равно коегде приходилось передвигаться под безжалостно палящим солнцем. Мысли

67

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

крутились только вокруг одной темы, вернее одной стервы.

«„Ниже живота!“ Да пошла она на хуй, эта Лена! Он никому не позволит так с собой обращаться. Неужели все беременные такие ебанутые? „Узнаю, что трахаешь кого-то, — хуй отрежу!“ Знает, чем пугать. Кастрацией, бля. Как кота! „Кот кота“ — черт, вот привязалась дурацкая песня! Хотя нет — песня реальная, и „Мумик“ круче всех! А котам вроде как яйца отрезают. А если член — это оскопление. Все — баста! Завтра он двинет в Москву, к мамане, пусть что-нибудь придумывает. А сука Ленка останется здесь, в жопе мира, со своим Павловым, вот он ей и покажет „ниже живота“!» — Евгений с силой пнул банку, и она улетела в кусты. От мыслей про Лену его отвлекла открытая дверь Дома творчества юных. «Обана, а чего это он открыт? Ведь не сезон. Может, зайти к Папагену перед отъездом, попрощаться? Он всегда был реальным челом». Женя зашел и поднялся на второй этаж, где располагался актовый зал. Его шаги гулко разносились по знакомым пустым рекреациям, пахло краской и пылью,

откуда-то издали доносился стук молотка. Сколько раз он бродил по этим коридорам? Женя мог, закрыв глаза, легко пройти от входной двери до танцзала. И сейчас, проходя знакомым маршрутом, он чувствовал что-то похожее на ностальгию. Здесь Женя шесть лет занимался бальными танцами под руководством любимого педагога — Геннадия Андреевича, которого за глаза все звали просто — Папаген. Женя прошел через танцзал, где рабочие в это время меняли зеркала, и заглянул в кабинет, которым Папагену служило не большое помещение при танцзале. В комнатке было очень тесно, еле-еле помещался письменный стол, как всегда чем-то заваленный, несколько стульев, шкаф гардероб и стеллаж, уставленный призовыми кубками. По стенам были развешаны многочисленные грамоты, фотографии любимых учеников.

68

В кабинете сидел сам Папаген с удивительно прикольной девицей. Женя про себя даже присвистнул — ни фиги себе, он здесь такую еще не видел. Белое платье и светлые волосы контрастировали с огромными карими оленями глазами, вся она была какая-то не возможно тонкая, хрупкая, как фарфоровая, а ноги не знакомки были длинней, чем у героинь самых смелых Жениных фантазий! Ну а Папаген — такой же как и всегда — сухощавый, с глубоко посаженными карими глазами, орлиным профилем и седой головой, сохранивший, вопреки годам, великолепную осанку. Аккуратно и безукоризненно одет — не новый, но тщательно вычищенный и выглаженный светлый костюм, идеально сидел на его точеной фигуре. В городе болтали, что его отец был испанским подданным и на самом деле у Папагена были совсем другие имя-отчество, но какие — никто не знал, как и то, почему и когда к нему приклеилось странное прозвище. В момент, когда Женя заглянул в кабинет, девушка жаловалась:

— Эх, лучше бы я в уборщицы пошла, чем такие страшные обломы. Геннадий Андреич, как мне жить-то теперь?

Учитель не успел ответить, как увидел заглядывающего в дверь Женю. Папаген радостно вскочил из-за стола, почти вприпрыжку помчался к гостю и крепко его обнял:

— Женечка, как я рад! Молодец, что зашел! А я вот уговариваю Катерину нос не вешать, деловито —

экзамены в театральный завалила. Мало ли какие беды у людей в жизни случаются, нужно уметь держать удар. Хочу вас познакомить, у меня, кстати, давно такая мыслишка проскальзывала. — И уже обращаясь к своей знакомой, произнес: — Катя — это мой лучший и любимый ученик — Евгений, прошу любить и жаловать!

Катя немного испуганно взглянула на Женю:

— Здравствуйте.

69

— Давно надо было вас познакомить, может быть, что и получилось бы. — Геннадий Андреевич все еще не выпускал Женю из объятий и на ухо ему зашептал: — Обрати на девочку внимание, танцует — закачаешься! Вспомни, что я тебе говорил. — Он хитро подмигнул парню. Женя с интересом разглядывал девушку.

— Привет! Странно, что мы раньше не встречались.

— Женя у нас в варьете местном танцует. — Папаген неожиданно хлопнул себя по лбу. — О! У меня идея! Катя, не вешай нос, сейчас мы что-нибудь придумаем. Женя, у вас в клубе нет вакансий?

— Да вроде не помню. Подождите, да у нас же Жанка куда-то пропала. Точно, ее место до сих пор никто не занял!

— Все, Катерина, решено: будешь в клубе работать!

— Я? В клубе? Да кто ж меня возьмет, без опыта... — На лице девушки отразилось искреннее удивление.

— Возьмут, возьмут! Я это беру на себя, не переживай! У меня там должничок имеется, так что можешь идти готовиться!

— Я — в варьете! Круто, вот это да! А точно возьмут?

— Не волнуйся, у нас все схвачено! — Геннадий Андреевич был очень доволен произведенным эффектом, он удовлетворенно потирал руки.

— Геннадий Андреич, да вы просто волшебник, дайте я вас поцелую! — Катя подбежала к Папагену, чмокнула его в щеку и закружилась по тесному кабинету, чудом не налетая на мебель. — Вот здорово!

Она резко остановилась, и на ее лице счастливое выражение миг сменилось унынием.

— А вдруг я там никому не понравлюсь, и меня того... — Она жалобно посмотрела на Геннадия Андреевича. Ну тут Женя уже не мог дальше отмалчиваться, пора было обратить на себя внимание. Не спуская глаз с девушки, он медленно произнес:

— Катя, ты всем понравишься, гарантию даю. Точно.

70

Сказав это, Женя поймал себя на мысли, что ему все в ней по кайфу — ее открытость, непосредственность, чувственность, — короче, реально клевая герла. Украшение коллекции! Но предполагаемый трофей почемуто проигнорировал крутое пацанское выступление. Прекрасная незнакомка снова грациозно села на стул напротив Папагена. Положила одну бесконечную ногу на другую и, продолжая отводить глаза от Жениных плотоядных взглядов, о чемто задумалась. Уйдя в себя, она нервно теребила тонкими пальцами край подола короткого летнего платья, непроизвольно подтягивая его к острым девчоночьим коленям, как бы пытаясь скрыть их от жадных глаз мачо. Этот простой жест почемуто безумно возбудил Женю. Но вместе с просыпающейся эрекцией он абсолютно неожиданно испытал новое, до сего момента не посещавшее его чувство. Сладкая, теплая тоска по чемуто несбыточному, а может, бывшему с ним когда-то сотни лет назад, сначала появилась где-то под кадыком, потом жалобно и нежно защемила в сердце и наконец захлестнула его целиком, погрузив в тревожную нирвану. Катя же делилась с учителем своими заботами:

— Ой, мне сейчас домой идти, что старики скажут?

Мать же меня убьет, если я ей объявлю, что в клуб танцевать иду. Она, знаете, как ко всему такому относится?

— Не волнуйся, мать твою — беру на себя. Я с ней переговорю, постараюсь убедить ее дать тебе шанс. А ты не вешай нос и готовься к выходу на сцену. — Геннадий Андреевич дружески похлопал Катю по плечу. — Ты, главное, не дрейфь.

— Ну, тогда я пойду. — Катя еще раз оглянулась, коротко взмахнула ресницами на Евгения и, не скрывая счастливой улыбки, вышла из кабинета.

Папаген крикнул ей вдогонку:

— Иди, иди, я тебе позвоню, когда в клуб на работу выходить. — И уже обращаясь к Жене, сказал: — Прямо с вокзала ко мне зашла. Красавица. Чистая душа. Как переживает? Видел? А? Вы там ее не обижайте,

71

в клубето. Тыто ко мне по делу пришел или как?

Давно тебя не видел.

— Да, было дело, а теперь сплыло. Все изменилось, я передумал. Честно говоря, шел к вам прощаться, ду

мал уехать отсюда на фиг. Но чтото мне расхотелось, покантуюсь еще здесь.

Женя неожиданно для себя осознал, что все проблемы с Леной и ее грозным мужем совершенно потеряли свою значимость. Он понял — в ближайшее время ни за что никуда не уедет.

От размышлений его отвлек Папаген, хитро щурился, он смотрел на Женю:

— А что изменилось?

Но Женя только тряхнул кудлатой головой и поспешил откланяться:

— Да ничего. Ладно, пойду я, Геннадий Андреич!

* * *

Когда Катя пришла домой, ее уже ждали «старики» — Катиным родителям, одноклассникам и бывшим одноклассникам, в этом году исполнилось по тридцать пять. Несмотря на молодой возраст, выглядели они гораздо старше своих лет. Особенно мать Кати — Ирина Александровна, сделавшая головокружительную карьеру от продавца до директора универмага и внешне как нельзя лучше соответствующая типу работника советской торговли, — крупная, дородная женщина, светлые волосы, всегда уложенные в высокую прическу, громкий командный голос. Катин же отец, Федор Андреевич, хотя и был одного роста со своей супругой, но благодаря хрупкости телосложения казался намного ниже ее. Жидкие русые волосы, большие очки и нелепый пивной животик украшали его тщедушное бухгалтерское тело. Служил Федор, естественно, при жене в универмаге. Тихий и спокойный человек, чего нельзя было сказать о супруге и дочери, дома он работал бухгалтером между ними, смягчая властную Иру. Все реше

72

ния в семье, как повелось, принимались «директором». Федор и Ира рано оказались на вершине семейной пирамиды: дети из неполных семей, сойдясь, они быстро потеряли матерей. Правда, Федя в фигуральном смысле: его мать после постоянных ссор со строптивой невесткой, одна из которых закончилась дракой с выдернатыми волосами и укусами, уехала к сестре в Магадан, напоследок прокляв непутевого сынатряпку и его семью. Кате в ту пору не было и трех лет.

Ирина сразу кинулась обнимать дочь, не давая той вставить ни слова:

— Как хорошо! Вот ты и вернулась, дурочка моя.

Ну что, все прошло, как я и предсказывала? Слава богу, все позади. Ну, теперь ты пойдешь учиться как все нормальные дети в нормальный институт, а не в какойто театральный, получишь нормальную профессию. А пока поработаешь продавцом у меня.

— Папа, ну скажи ей! Я сто раз говорила, что меня тошнит от торговли! Мама, я к тебе ни за что не пойду, лучше уж гденибудь полы мыть. И вообще, Папаген обещал меня устроить в ночной клуб! — Катя тут же пожалела, что выдала сногшибательную новость. На мать это подействовало круче, чем на быка красная тряпка:

— Какой такой клуб? В этот бордель? Ты с ума сошла, только через мой труп! Нечего голову забивать ерундой! Какие еще ночные клубы? Папаген совсем спятил на старости лет!

— Не смей так про него говорить! Он единственный, кто верит в меня!

— Дура, я желаю тебе добра, куда тебя твой Папаген приведет со своими канканами! Вот попадется мне, я ему покажу канкан!

Видя, что накал страстей становится угрожающим, Катин отец попытался вмешаться:

— Ирочка, Катя! «В клуб — через труп?!» Давайте спокойно все обсудим!

73

Но обе стороны уже перешли черту, после которой остановиться были не в состоянии.

— Мама! Не трогай Папагена, он здесь ни при чем, он только меня поддерживал! Я сама принимаю решения! Ты никогда меня не понимала, я удивляюсь, за чем ты вообще отдала меня в танцы?

— В танцы, а не в стриптиз! Я уже и сама не знаю, зачем связалась с этим Папаганцем, ведь чувствовала, что добром это не кончится!

Федор снова попытался было вступить в спор, но ему помешал телефонный звонок. Трубку взяла Ирина Александровна. На ее побагровевшем лице отразились все переполняющие ее чувства, она резким голосом, нисколько не снижая оборотов, которые набрала в споре с дочерью, начала выговаривать собеседнику:

— Очень хорошо, что вы позвонили, я сама собиралась это сделать! Как вы можете так поступать, Геннадий Андреевич? Я была о вас лучшего мнения, прекратите компостировать моей дочери мозги...

Но Катя в нетерпении вырвала трубку у матери из рук и закричала в нее:

— Вы договорились? Да? Да! Я сейчас приеду!

Отец попытался остановить ее:

— Катя, ты это, не гони конейто!

Но она, не ответив ему, кинула трубку и начала радостно прыгать по комнате.

Мать опять сорвалась на крик:

— Спустишься с небес на землю, никаких ночных клубов! Пропадешь, дура!

Но Катя уже выбежала из квартиры, хлопнув дверью.

Ирина застыла посреди комнаты, с возмущенно воздетыми толстыми руками:

— Дурная кровь! Сколько волка не корми! Ну, что теперь делать? А, Федя? Она ж дурочка наивная, книголюб. Я ее от всей этой мерзости так берегла, а она одним махом в самую грязь фиганула.

74

— Выросла она, созрела. Вот и все. Дома ты ее силой не удержишь, от жизни не спрячешь. Может, оно и лучше так. Подрыгает ногами, перебесится и придет домой.

— Дурак ты. Боюсь я за нее. А вдруг в подоле принесет?

— Ну да. Главное, есть в кого. Ира! Хватит уже над Каткой трястись! Ты ж молодая баба у меня, красавица! Давай еще ребеночка заделаем!

— Нет, ну ты точно дурак! Мало мне этой актрисы, что ль, погорелого театра!

— Давай еще родим!

— Отстань, дурак! А на кого я универмаг оставлю?

На тебя? Сам давай рожай! Вон пузяку какую насосал!

Одна созрела, другой сбрендил — зла на вас не хватает!

ГЛАВА 2

На следующий день Катя пошла на собеседование в ночной клуб. Это было главное развлекательное заведение их городка, где собирались все местные сливки. Клуб располагался на центральной площади Коламска, в старом барском особняке, бывшем в свое время Домом культуры. К услугам посетителей был ресторан с отличной кухней, а также программа варьете, после которой по выходным были обязательные «дискачи», собиравшие всех гопников, девиц на выданье и драгдилеров округа. Как ни странно, благодаря участию пагеновских учеников программа варьете была очень

хорошо и со вкусом поставлена. Посмотреть ее приезжал бомонд и бандиты из соседних городов. Часто привозили группы иностранных туристов, совершавших тур по Золотому кольцу. Общественность города, возглавляемая Церковью, боролась с падением нравов и развратом в «лице» ночного клуба и местного казино. Конечно же, безрезультатно. Родители не пускали туда своих великовозрастных чад, но все равно рано или

75

поздно повзрослевшие дети туда проникали. Ведь, как известно, нет ничего слаще плода запретного, да и интересного в городе больше ничего не было. Катя же, домашняя девочка, впервые переступила порог этого заведения и сильно нервничала. Она плохо представляла себе, что за танцы надо будет здесь исполнять, и была готова получить отказ. Но ей очень хотелось хоть глазком взглянуть на клуб изнутри.

Катя заглянула в приемную директора и робко спросила:

— Можно?

В приемной сидели три грации: за столом — молодая курносая секретарша с какойто дикой прической, она подпиливала ногти и болтала с двумя красотками. Это была очень живописная парочка — девушки, похожие, как сестры, одинаковый яркий макияж, обе длинные ноготки и в одном прикиде — короткие юбки, открытые майки на тонких бретельках и босоножки на высоченных каблуках, явное различие же было только в цвете их волос, одна — яркая пергидрольная блондинка, другая — натурально рыжая.

Катя зашла в приемную:

— Здравствуйте, меня зовут Екатерина Петрова, мне на сегодня назначено, можно пройти к директору? Секретарша отвлеклась от разговора и с интересом посмотрела на Катю:

— Екатерина? Здравствуйте. Да, вы у нас записаны на прием, вы же насчет работы?

— Да, я от Геннадия Андреевича.

— Вам придется немного подождать, Анатолий Михайлович сейчас занят, у него посетитель.

Услышав имя директора, блондинка проявила интерес:

— Ирочка, а как сегодня Михалыч?

— Босс в полном порядке, пытался мне сегодня разнос устроить. Представляете, спрашивает, когда я пере

стану опаздывать! Совсем уже! А что он завтра потребует? Может, еще и кофе в постель? — Она замолчала, хитро посмотрев на Катю, как будто беря ее в сообщницы. — Хотя это легче, чем вовремя на работу.

Секретарша Ира и обе девушки дружно заржали.

Рыжеволосая обратилась к Кате:

— А ты к нам в клуб, походу, хочешь устроиться?

Я — Белка, а она походу — Стрелка.

— Очень приятно. Да, мне сказали прийти сегодня на собеседование. — Кате сразу понравились девушки, они были такие простые в общении, хоть старше ее, а нос не задирали.

Та, которую называли Стрелкой, тоже вступила в разговор:

— Ништяк! А мы здесь в местном варьете — нога ми машем!

Катя обрадовалась:

— Так я тоже насчет варьете!

— Тебя, наверное, на место Жанки поставят, она у нас «неожиданно» пропала! Свалила с очередным хахалем, — заметила Белка, при этом она так закатила зеленые глаза, что вызвала новый взрыв смеха у своих собеседниц.

Отсмеявшись, Стрелка сделала серьезное лицо и с загадочным видом произнесла:

— А мне кажется, здесь дело не чисто. Чтобы Жанок свалила и никому не похвасталась, что уезжает? Быть такого не может! Голову даю на отсечение. Да она со всем клубом своих мужиков обсасывала, что да как да какой у кого! «Вчера такого вот поймала — не поверите!»

Белка со Стрелкой и секретарша Ирочка опять зашлись в неудержимом смехе, производя в воздухе руками жесты хвастливых рыболовов. Пока Ирочка не пришла в себя и не сказала:

— А куда же она делась?

— Чует мое сердце, что-то дерьмовое с ней случилось! — Стрелка продолжала гнуть свою линию.

— Да ладно тебе страху на всех наводить! — прервала подругу Белка. — Сбежала она от своих долгов и разборок с трахалями! Развела тут русскую рыбку! Девушки опять дружно захихикали.

Катя почувствовала, что ее страхи тают, такое простое общение принесло несказанное облегчение, и под

конец разговора она уже смеялась вместе со всеми. Еще не стих всеобщий смех, когда в приемную зашла высокая стройная молодая женщина в шелковом черном платке и темных очках. Все в ней было стильно. Светлое приталенное платье, туфли и сумочка — в тон шелкового платка. По реакции девушек стало ясно, что это местная випперсона — уж больно вежливо все с ней поздоровались.

Секретарша Ирочка — сама любезность.

— Здравствуйте, Лена, как поживаете?

— Спасибо, Иришка, пока живая. А ты не видела, не было здесь сегодня моего, он должен был заехать?

— Нет, знаете, я по делам ездила, недавно пришла.

В это время директор клуба Анатолий Михайлович вышел со своим посетителем из кабинета и прощался с ним в приемной. Заметив женщину в темных очках, он сразу же бросился к ней:

— Леночка, как приятно вас видеть, хорошо, что вы зашли.

Он взял ее под руку и увел к себе в кабинет. Со стороны они казались очень смешной парой. Высокая секси Лена и рядом кругленький лысоватый директор, семенящий маленькими шажками.

Белка и Стрелка видя, что Катя не понимает, что здесь происходит, хором стали ей объяснять громким шепотом, что это жена хозяина клуба, видно, у нее опять лимит павловский кончился, пришла просить денег у Михалыча. Было видно: они готовы выдать Кате все местные сплетни, но тут директор вышел из кабинета проводить Лену. Она быстрым шагом, ни с кем не прощаясь, ушла из приемной. Наконец толстяк заметил Катю:

78

— Девушка, вы ко мне? По какому вопросу?

— Я насчет работы в клубе. Вам звонил Геннадий Андреевич?

— Да, Геннадий очень вас нахваливал, а он коечто в своем деле понимает. — Директор подозрительно по смотрел на Катю, как будто желая чтото выяснить, но, видя ее совершенно искренний взгляд, передумал. Он профессиональным взглядом окинул Катю с ног до головы и, видимо, остался доволен. — Ну, что ж я вижу, вы уже познакомились. — Он кивнул на подружек в приемной. — Раз так, попрошу вас, девушки, показать новенькой клуб, а я сейчас очень занят. Ирочка, если будут спрашивать — меня ни для кого нет. — Анато

лий Михайлович скрылся в своем кабинете и плотно притворил за собой дверь.

Белка со Стрелкой послушно взяли над Катей шефство и повели показывать клуб. Выйдя из приемной, они сразу же столкнулись с Женей.

— Как прошла встреча с руководством?

— Честно говоря, я не оченьто поняла, берут меня или нет.

Все хором начали убеждать Катю, что если Михайлич просил показать ей клуб — значит, она зачислена в труппу. Женя присоединился к ним, и они все вместе пошли осматривать клуб.

Белка со Стрелкой шли впереди по коридору, по очереди открывали двери и комментировали находящиеся за ними комнаты. Катя с Женей шли следом за ними. Женя всю дорогу не спускал с нее глаз, и несколько раз даже попытался взять за руку. Каждый раз Катя руку потихоньку высвобождала, но както очень потихоньку. Мимо них, все так же в темных очках, по коридору прошла Лена. Она оглянулась, и от этого взгляда Кате стало не по себе. Катя даже остановилась и, забыв обо всем, провожала взглядом удаляющуюся Лену. Белка со Стрелкой наконец заметили, что она больше не слушает их комментарии, и дружно возмутились:

79

— Эй! Для кого мы стараемся? Тебе что — неинтересно?

— Нет, нет девочки, что вы, все очень здорово! — Кате было неловко за свою невнимательность — люди же перед ней распинаются.

Женя вдруг засобирался и заявил, что ему пора. Он попрощался с девушками и попросил Катю передать привет Папагону, если она его увидит в ближайшее время. Как только Женя ушел, Белка со Стрелкой налетели на Катю:

— Ты откуда знаешь нашего Женьку? Что у вас за отношения?

— Ты походу давно с ним знакома? Как ты подцепила такого парня?

Катя ошарашенно оправдывалась:

— Да я с ним только на днях познакомилась, мы учились у одного преподавателя, я его совсем и не знаю.

— Ох, походу отлегло от сердца! Я думала, что пора тебя порвать! Слава богу, все разъяснилось.

— О чем это вы? — Катя не очень поняла реакцию

девиц.

— Да испугались, что проморгали такого парня. Ну все походу в порядке. А то было подумали, что он опять нормальный.

— Вы про что?

— Да он же у нас теперь голубой, ты не знала?

Поменял ориентацию год назад! Весь город об этом болтает! Он теперь только Илью Лагутенко любит! — Стрелка так посмотрела на Катю, как будто та была с другой планеты.

— А что Лагутенко?..

— Пидор? Нет, он походу гетеро. Ну, вон Ди Каприо тоже не пидор, а все геи мира по нему сохнут. Врубаешься?

— Как жалко! А мне Женя таким классным показался!

— Не тебе одной! — хором сказали подружки и тут же весело рассмеялись.

80

Но Кате не давала покоя странная Лена, у нее не получалось выкинуть ее из головы.

— Слушайте, — обратилась Катя к девушкам, — а чего Лена ходит в помещении в темных очках? Она что — фанатка «Депеш Мод»?

Ее вопрос снова вызвал море веселья, и Стрелка охотно объяснила:

— Небось под очками очередной бланш. Ленка не плохая тетка, с ней совершенно нормально можно по тереть за жизнь, но вот муженек у нее — Павлов, хо зяин жизни и бандос, — законченный псих! То ревнует и бьет ее, деньги отнимает и побрякушки снимает, то на руках носит и подарками заваливает. Правда, и Лена не без странностей — строит из себя роковую женщи ну, прикинь коза какая. Коламская Кармен! Иногда как начнет испанскими словечками сыпать, прямо смех — фиг поймешь, о чем она там. И на передок слаба, ис панка наша. Но за это мы ее не судим.

— Сами походу с усами.

На этом экскурсия по клубу подошла к концу, они успели обойти все помещения, и пора было присту пать к репетициям.

ГЛАВА 3

Женя мысленно поплевал через плечо, чтобы не сглазить, поправил букет. Он сегодня расстарался — нагладил белую рубаху, которую не надевал сто лет (лень гладить), даже откопал и привел в порядок брю

ки, которые надел вместо затасканных джинсов. Женя еще раз придирчиво осмотрел себя, расправил и так разглаженный ворот рубашки и постучал в дверь гри мерки. «Узнай меня — открой на стук!»* Так и не до ждавшись ответа, он заглянул в дверь. Под гримерку

81

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

была оборудована узкая комната, вдоль длинной стены которой стояли столы с зеркалами. Там были Катя и еще несколько девушек из варьете.

— Поздравляю с дебютом, как прошла генеральная репетиция, готова к бою? Как настроение? — обратился он к Кате.

— Почему генеральная? Обычная репетиция. А к чему цветы? — Катя была явно смущена оказанным вниманием.

— Ну, в смысле для тебя генеральная, ты же теперь на сцену выйдешь перед публикой.

— А, понятно. Если честно, я очень волнуюсь, мне кажется, что у меня не все получилось.

— Не придирайся к себе, все было замечательно! Я смотрел ваш номер, ты реально не хуже других. Не много опыта, и все будет просто супер!

Все девушки в гримерке были согласны с Женей.

У него же к Кате явно был личный разговор:

— Кать, выйди на минутку у меня к тебе пара слов есть.

Женя вышел в коридор и там подождал Катю.

— Слушай, давай по чашечке кофе в баре выпьем. —

Женя заметил, что девушка както очень сильно сму тилась. — Ну давай, от тебя не убудет!

— Нет, нет, я не могу. Не сейчас, — зарделась Катя.

Откуда ни возьмись, появилась Лена в ярком цве тастом платье с глубоким декольте и открытой спиной.

На носу, как обычно, сидели темные очки, а волосы были уложены в хитрую прическу, над которой явно пару часов попотел парикмахер. Она сказала:

— Привет, Женя, чтото я тебя давно не видела, — встала рядом с Женей и фамильярно взяла его под руку. — А с кем это ты беседуешь?

Женя нехотя познакомил девушек. Лена, хозяйка заведения, вела себя попростому, не держа никакой дистанции:

82

— Женька, ты видел, как вчера принимали ваше выступление? Pueblo * просто неистовствовал!

— Да, это все фигня. Просто забрели немецкие туристы и устроили маппетшоу.

— Женька, tonto**, не прибедняйся, они тебя на бис вызывали пять раз!

— Твой муженек, наверное, в восторге — они весь зал угощали бухлом! Сделали план за месяц!

— Да при чем здесь какойто план, все было просто круто! Это же настоящий успех! Ты достоин большего. — Она прервалась на многозначительную паузу и с чувством продолжила: — И можешь этого достичь!

Кате стало ясно, что Лена неровно дышит к Жене. Но тот, будучи геєм, естественно, игнорировал ее знаки внимания. «Бедная Лена, она, наверно, не знает о его ориентации. Хорошо хоть, меня девки предупредили. Пришел с розами, такой красивый, и на тебе — гей. Как глупо. Ято дура влюбилась в него с первого взгляда, а он теперь — как издевается, таскается за мной со своей гейской дружбой!» — подумала Катя и, видя, что она присутствует при чужих разборках, поспешила попроситься:

— Ну, мне пора, пойду, вещи соберу.

— Удачи тебе, Катя! — не стал задерживать ее Женя.

— Да, всего хорошего, suerte***, приятно было познакомиться. — По лицу Лены было не разобрать, с каким подтекстом она это говорит, но что подтекст был — это точно.

Когда Катя вошла в гримерку, все девушки тут же замолкли на полуслове, было понятно, кого они только что обсуждали. Повисла напряженная тишина.

83

* Народ (*исп.*).

** Балда (*исп.*).

*** Желаю удачи (*исп.*).

Тогда Стрелка, прервав общее смятение, прямо спросила:

— Что это Женечка так интересуется твоими успехами? Ты, наверное, от нас чтото скрываешь? А может, он теперь би — и нашим, и вашим? А, Катя?

Катя со вздохом сказала:

— Ничего я не скрываю, и скрыватьто нечего. К сожалению...

ГЛАВА 4

Женя заметил ее первым, Катя одиноко стояла у рулетки с фишками в руках, да и как ее было не заметить. Он даже на мгновение остановился. Она вся была как каято «слишком». Слишком отличалась от обычной публики казино, казалось, что ее занесло сюда по ошибке, слишком красивым и неиспорченным было ее лицо, слишком доверчивыми глаза. Слишком непорочной казалась ее фигура в легком почти белом платье в мелкий цветочек, с расширяющимся книзу подолом. Весь ее облик не увязывался с атмосферой наживы, заполнявшей это заведение. Он не хотел разрушать эти чары — стоял и смотрел, напевая «Проснулась ночью девочка...»*, а потом понял, что это его шанс.

В который раз Женя поймал себя на мысли, что они созданы друг для друга, оставалось только убедить в этом и ее. Она явно пребывала в растерянности, не знала, что делать со своими фишками, просто подарок судьбы — возможность оказать помощь и тем самым заслужить ее доверие. Он был уверен, что сегодня ему повезет во всем. Вот уже две недели, как Женя подкапывал к ней, но Катя его просто игнорировала, и он никак не мог взять в толк, отчего это происходит — вроде не урод, всегда легко находил общий язык с ба

84

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

бами, да и в клубе ничем ей не насолил. Похоже, против него активно работало его непробиваемое голубое алиби, придуманное для Павлова хитрожопой Леной. Сегодня он поставит точку в этой истории.

Казино находилось в местном кинотеатре, который работал, но весь его холл был отдан в безраздельное пользование игрокам. Помещение поделили на несколько частей: справа был непосредственно игровой зал, где стояло несколько столов с рулетками, а также столы под «блэк джек». В левой части холла, в самом углу, располагалась небольшая эстрада, где по выходным играли живую музыку. Перед эстрадой был танцпол, во круг него стояли столики, за которыми желающие могли послушать музыку. Если подняться по широкой лестнице, под углом к общему залу — справа от эстрады — был расположен уютный бар.

Женя оказался здесь только благодаря Лене, она его почти силой заставила прийти сюда вместе со своими друзьями. Он их терпеть не мог, все они были, по его мнению, обычными мажорами, которым родительские

деньги девать некуда, только и знали, что вечно дефилировать между клубом, казино и ресторанами. Женя постоянно чувствовал заискивающие взгляды в рот с их стороны — ведь он был для них реально культовой фигурой. Сын попсовой певицы, к тому же личность, в отличие от них, состоявшаяся. Хотя для этих нулей его околос звездный московский статус был куда важнее танцевальных талантов. Еще бы — одна его столичная квартира тянула больше, чем состояние всех этих придурков вместе взятых. Знали бы они, что все его права на собственность заморожены до особого распоряжения одиозной мамы, которая не выделяет ему ни копейки. Зато он сам хозяин своей жизни.

Пока Лена увлеченно беседовала с очередным знакомым придурком, Евгений решил взять судьбу на аборт. Тем более что и Катя вроде обрадовалась неожиданной встрече.

85

— Привет, что ты здесь делаешь? — Она приветливо улыбнулась.

— Да меня Ленка со своими друзьями сюда затащила. Хоть тебя здесь встретил, а то с этой гопком панией уснуть можно. А ты здесь с кем?

— Меня Белка со Стрелкой уговорили сюда прийти, а я и не играла никогда. Понятия не имею, как это делается. Сережа мне фишки всучил, а сам свалил, гад, куда мне ставить то? Я и правил не знаю. — Катя вопросительно посмотрела на Женю наивными глазами.

— Что здесь знать, ставь все на семнадцать — это мое любимое число и твой возраст.

Катя сделала ставку и с волнением стала ждать, когда шарик остановится. Шарик, прокрутившись положенное число раз, медленно, словно нехотя, закатился в ячейку 17. Бинго! «Не может быть!» Катя от радости запрыгала на месте, мячики под платьем дружно запрыгали. Женя, убедившись в том, что поймал удачу, сразу же обнял Катю, типа подружески. В таком положении они и оставались, радостно глядя на то, как крупные сгребает к ним все фишки.

В этот момент подошла Лена, в белом льняном элегантном костюме с большими пуговицами, в руках она держала маленькую театральную сумочку. Она поправила выбившуюся изпод белого платка прядь вороных волос и с большим удивлением окинула взглядом

изпод темных очков стоящую перед ней пару:

— Катюша! Que tal?* О! Поздравляю с выигрышем!

Ну что, Женечка, едем? Мы собрались в какойнибудь ресторан, пора подкрепиться.

Женя отодвинулся от Кати и както очень жалобно заканючил:

— Лен, слушай? я не поеду, я устал, я лучше до мой, извини.

86

* Как дела? (исп.)

— Ну, как знаешь, — она напоследок еще раз наградила Катю выразительным взглядом очковой змеи, — adios, muchachos!*

Как только она отвернулась, Женя улыбнулся, напевая про себя: «К тебе теперь я не вернусь — такой теперь я друг!»**

Катя собрала со стола выигранные фишки:

— И что теперь с этим делать?

Как будто услышав вопрос, у стола появился высокий сутулый парень, с приклеенной ухмылкой на крысиной мордочке. Катя представила его Жене как Сержа, но тот оказался с ним давно знаком. Сергей, видя гору фишек в руках у Кати, крепко хлопнул ее по плечу:

— Опа! Я же говорил: по первому разу всем прет!

Катька, пошли, ты нас угощаешь!

Катя с Женей и Сержем прошли к столику, за которым с бокалами сидели Белка со Стрелкой. Катя радостно потрясла зажатými в руках фишками:

— Вы видели? Мне везет!

Сергей сразу засуетился:

— Смотрите, сколько бабла Катька наломала! Гуляем! Такой выигрыш! Можно и чего покруче сооразить! Катька, с тебя причитается, давай я сейчас быстро! — Он взял Катины фишки и ушел.

Женя заметил, как Катя удивленно посмотрела ему вслед:

— Куда это он?

Белка прошептала, оглядываясь по сторонам:

— Не ори, он походу сейчас нам коечто принесет, на всех хватит. Давайте пока выпьем, что ли, за удачу! Вернулся Сергей с довольным видом.

— Так, ребятки, у меня уже все поделено. — Он достал из кармана подозрительные пакетики. — Это де вочкам, это мальчикам. Ну, поехали!

87

* Прощайте, ребята (*исп.*).

** Слова из песни группы «Мумий Тролль».

Белка быстро поднялась изза стола:

— Походу нам пора в дамскую комнату, попудрить носики. Стрелка, пошли быстрее!

Через стол Женя видел, как у Кати округляются глаза, наконец до нее дошло, что принес Серж.

— Вы с ума сошли! Я ни за что не буду!

Стрелка, свысока глядя на Катю, оборвала ее:

— Не ломайся, все будут! Надо же и тебе попробовать! Ну же, пошли, дурочка, все когданибуть бывает в первый раз. — Она встала изза стола и за руку потянула за собой Катю. Та сначала сопротивлялась, но, увидев, что идет вся компания, неуверенно потащилась за Стрелкой.

Женя ей вслед весело подмигнул, напевая «Я свою превышу скорость!»*. Все складывалось донельзя удачно. Через какое-то время все вновь собрались за столом.

Женя сидел напротив, смотрел на Катю — она очень смешно, как-то осторожно, неуверенно двигалась, прислушиваясь к новым ощущениям и заново приспосабливаясь к своему телу. Постепенно за столом разгоралось буйное веселье. Под стать настроению, из колонок понеслись в зал бешеные латиноамериканские ритмы.

— О! Круть! Это же походу Рики Мартин!

— Обожаю его! Ну что девки — зажжем?!

Белка и Стрелка ринулись на танцпол и стали выделывать неопишуемые секскренделя, под улюлюканье вконец окосевшего Сержа.

Женя давно не чувствовал такого куража. И не только от допинга! Близость Кати и скорая возможность еще большей близости разносила его башку покруче любых химикатов. Видя, как Катя оживлена, как заразительно смеется и в такт музыке поводит худыми плечами, он больше не в силах был усидеть за столом. Он поднялся и вытащил ее на танец.

88

* Слова из песни группы «Мумий Тролль».

Катя двигалась божественно. Еще никто не мог перетанцевать короля местного танцпола Женю Корольва! Но Катина кошачья грация, феноменальное чувство ритма и та жертвенная страсть, с которой она отдавалась танцу, были сильнее его хореографических талантов хитника. Куда подевалась хрупкая девочка-подросток, от одного взгляда на острые ключицы которой под сердцем

появлялась щемящая грусть, такая тревожная и сладкая одновременно, девочка, от немого вопроса наивных глаз которой, — он, двадцатилетний раздолбай, чувствовал себя лет на десять старше, оттого что начинал ощущать, страшно подумать — ответственность за это нежное создание. Девочка исчезла, танец превратил ее в неистовую самку, каждое движение которой обжигало желанием. Же не казалось, что они кончают одновременно от каждого прикосновения друг к другу, пол плавился под ними, а от тел отлетали искры размером с кулак. Это был не танец — это был бесконечный оргазм. Она будет идеальной партнершей — мы созданы друг для друга — я тупо влюбился — неслось в его голове. Он мог бы танцевать с ней вечно! Он, который не продержался ни с одной подружкой дольше недели, главный сексспортсмен Коламбуса, девичьих губ перед которым за последние четыре года раскрылось больше, чем книжек за всю жизнь перед книгой Катей. Он — лжегей под прикрытием, который последний год перестал смотреть на сияющих сверстниц, вкусив изощренного греха с неумными Леной и Ритой, — он просто по уши влюбился в худенького мотылька. Музыка уносила их прочь, они уже были не в душном казино, все вокруг летало, мелькало, искрилось и переливалось бесподобными красками. Пол под ногами, то мягко пружинил в ритме самбы, то становился водяным матрасом, то качался, как палуба, а то и вовсе улетал куда-то. Женя смотрел Кате в глаза и видел в них отражение своих зашкаливающих желаний. Два этих бешеных блюдца кричали: «Возьми меня, если сможешь! Возьми меня прямо здесь!» Он видел, что она испыты

89

вает те же эмоции, и теперь ничто на свете не сможет их разлучить. В Катиной же взорванной от восторга и химии голове крутилась только одна мысль: «Я хочу танцевать с ним вечно. Ну почему он гей?! Такой классный, такой красивый, танцует как бог... Ну почему — он гей? Какая досада!» Музыка становилась все стремительней, они танцевали, не останавливаясь, и не могли оторваться друг от друга. Их компания куда-то исчезла, но этим двоим уже никто не был нужен, кроме друг друга. Женя, продолжая танцевать, увлек Катю из зала, и едва за ними захлопнулись двери, он, облокотившись на них, впился в ее сладкие губы горящим ртом. Мир опять взорвался белой вспышкой сверхновой любви. Они пили друг друга, как первое шампанское, — да

вась и до дна. Она все более страстно отвечала на его ласки, острые ногти царапали мягкий затылок... Двери за ними сотрясались, кто-то безуспешно пытался выйти из зала в холл. Когда, не выдержав натиска, двери поддались и с силой распахнулись, Женя с Катей отлетели к стене и, хоть чуть не пооткусывали друг другу языки, были не в силах прервать свой первый поцелуй. Наконец они оторвались друг от друга, и Женя снова закружил абсолютно обалдевшую Катю в танце. Женин розовый разум заволокло сиреневым туманом банальностей: он самый счастливый человек на свете, он нашел свою настоящую любовь и готов ради нее на все, они будут жить долго и счастливо и умрут в один день. Женя схватил Катю за руку и потащил к выходу из казино, крича во весь голос: «Уходим, уходим, уходим! Наступят времена почище! Бьется родная в экстазе пылая!»* Выбежав, он сразу же поймал машину, и, устроившись на заднем сиденье, они продолжили страстное оральное знакомство. На секунду Катя оторвалась от Жени.

— Какая я была дура, сколько потерянного времени! Ты не представляешь, меня все уверяли, что

90

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

ты... — Катя на мгновение замялась, не зная, как сказать.

— Педик? — Он весело рассмеялся. — Просто, когда все в этом уверены, легче устроиться в нашем бизнесе. Не отвлекайся.

Женя с Катей снова слились в поцелуе. Катя на миг освободилась из его объятий.

— Женя, я все понимаю, если наши отношения могут помешать твоей карьере, давай не будем их афишировать в клубе.

— Каааатка! Какая ты клевая! Давай потом поговорим. — И он закрыл ей рот поцелуем.

Добравшись через пять минут до места, Женя вылез из машины и сразу же начал кружить Катю в неистовом танце по темному двору, умудряясь при этом ее целовать. В его руках уже дрожали ее маленькие, бьющие током желания, электрические груди, но от переизбытка чувств любовники потеряли равновесие и упали в кусты рядом с детской площадкой, продолжая целоваться. Женя наконец добрался до ее абсолютно мокрых, кипящих трусиков и попытался было сорвать уже совсем ненужную одежду, но она, тяжело дыша,

попросила его: давай не здесь. Он быстро поднялся, помог и Кате и, не теряя времени даром, повел ее за руку в подъезд. Но подъем по лестнице получился не долгим: они снова остановились для поцелуя. Лишь на мгновение Жене удалось прерваться:

— Катька, я столько искал тебя и вот — наконец нашел. Ты — моя! Теперь я тебя никуда не отпущу. Они поднимались в квартиру долго, целую вечность — слишком много было уютных ступенек и по доконников для поцелуев и объятий на лестнице в Женином парадном.

* * *

Прошел почти месяц с тех пор, как голосистый Рики Мартин соединил Катю с Женей в одно счастливое

91

целое. Теперь Катя бывала у Жени в кровати чаще, чем одеяло. Они только что закончили свой любовный танец в постели. Еще не остыла лава любовного извержения. Было очень хорошо вот так просто лениво лежать, никуда не торопиться, никому ничего не доказывать. Просто тихо лежать рядом. Женя нежно покусывал худое плечико Кати. Оба были расслаблены, на Катином счастливом лице блуждала улыбка. Из колонок мяукал любимый Лагутенко.

— Все равно не пойму, как ты умудрилась остаться девочкой в этой клоаке?

— А я тебя ждала. Читала книжки и ждала любви большой и чистой, как небо. Да и потом, меня мама изпод подола не выпускала. Знаешь, какая у меня мама? Огого какая! Строгая! Видела б она меня пять минут назад...

Женю неожиданно для него самого потянуло на откровенность:

— Блин, мне ведь так хорошо никогда и не было. Вечно бабы пытались меня использовать или подчинить себе. Все это еще с матери началось. Представляешь, она пугала меня, что за дробку мне писюн отрежет!

— Я б сама такую игрушку отрезала. — Катя рассмеялась, ласково погладила и взяла в левую руку временно отдыхающее, сдувшееся, но все равно внушительное сокровище.

— Не прикалывайся — это не смешно. — Женя нежно поцеловал Катю и заглянул ей в глаза. — Нет, я вижу, тебе никогда не стать такой — стервой на до родиться. Ты даже не можешь представить себе, как

я боялся остаться без члена! Мне ночью кошмары снились, я в ужасе просыпался в холодном поту, ощупывал себя. А я ж совсем еще мелким пацаном был. Мама и так редко с нами виделась, а приедет — слова доброго от нее не услышишь, одни нотации.

— Я слышала, что ты с ней в детстве в Москве жил, почему редко виделся? — Катя легла на бок, внима

92

тельно разглядывая Женино лицо и не выпуская из руки его крепнувший член.

— Так она ж, блин, звезда! Маша Королёва! Некогда ей было — всегда на тусовках, в разъездах, на чёсе. На фиг мы ей сдались? Мы были вечным укором — постоянным напоминанием о ее возрасте. А у нее пункт — быть вечно молодой. Про отцов наших никогда не рассказывала, будто родила от святого духа. Я с ней в жизни по душам не поговорил — приедет, всегда не в духе, откупится дорогими подарками и свалит опять. Никаких кайфов от звездности в моей жизни не было. В Москве одноклассники меня дразнили Королевичем, а иногда даже пытались побить. Здесь, в деревне, я как мог скрывал свое родство, но шила в мешке не утаишь. Както раз в клубе по пьяни проболтался, и все — триндец. Раньше девки в койку прыгали за удовольствием, а тут началось: «Забери меня в Москву! Я хочу тебе ребенка родить». В общем, стал богатым женихом, а мне этого на фиг не надо.

— Так ты геем себя изза этого объявил?

— Ну и изза этого тоже.

— А я, кстати, тоже богатая невеста.

— Хахаха.

— Не смейся. На меня целая очередь женихов стоит.

— А я без очереди.

— Тебе можно. Если не боишься, что я с тобой изза твоей мамы...

— Катя резко сжала левую руку.

— Кать, ты чего? Эти прогоны тебя не касаются.

Ты — совершенство. Мне все равно, что ты обо мне думаешь, лишь бы ты была рядом! Всегда.

Он повернулся с бока на спину, закинул руки за голову и блаженно закрыл глаза.

— Мне маман последнее время знаешь, что говорила: «Трахай девок, Жека, но вполсилки, а главное — не влюбляйся — от этого все зло». Бабушкой до смерти боится стать. А я — влюбился!

— А как ты у нас в Коламске оказался? И почему ты здесь в глуши живешь, а не в Москве с матерью?

— В Москве таких девчонок, как ты, нет. Ну а если серьезно — я здесь в ссылке, но это длинная и неинтересная история, какнибудь потом расскажу. И вообще, мы от дела отвлеклись, на чем мы остановились?

Евгений повернулся к Кате и стал языком ласкать ее миниатюрную чувственную грудь, прошитую голу быми венками. Девушка обрадовалась новому раунду бесконечного любовного боя и обхватила тонкими, но сильными ногами поясницу любовника:

— Ну, я вижу ты уже готов? Какой же он все-таки огромный! И весь мой!

ГЛАВА 5

Проходя в очередной раз мимо Дома творчества юных, сам не зная почему, Женя завернул туда — ему неожиданно захотелось повидать Папагена. Рабочих, которые меняли зеркала, уже не было. В танцзале было както очень тихо, в солнечных лучах медленно кружились в своем замысловатом танце тополиные пушинки. Геннадий Андреевич, конечно же, был в кабинете при танцзале, сидел и изучал списки учеников. Он улыбнулся, увидев Женю.

— О Женечка, окончательно передумал уезжать?

Проходи, проходи, рассказывай, как дела.

— Да мимо шел, дай думаю зайду.

— Ну, рассказывай, не терпится услышать, как там наша Катерина, как у нее дела в клубе. Танцует?

— Танцует. — Женя немного замялся, не зная, с чего начать. — Честно говоря, я и сам хотел про Катю... Мне больше не с кем о ней поговорить.

Папаген еще шире заулыбался.

— Ты что, как там у вас, у молодежи, теперь говорят: запал на нее? — Такое сленговое выражение из его уст звучало смешно и нелепо.

— Не то что запал, все намного серьезнее. — Женя все-таки решился говорить с Папагеном откровенно. — Я сам от себя таких чувств даже не ожидал. У меня раньше девчонок до фига было.

— Да уж, слышан о твоих былых подвигах. Но ведь с недавних пор весь город знает про твой новый имидж.

— Да я не о том. — Женя скривился. — Мне теперь, кроме Кати, вроде и не нужен никто, сам удивляюсь...

— Раз не нужен, так и порви с кобелизмом, нечего девочке голову морочить, она ж мне... как дочь. Я таких, как ты, насквозь вижу — сам такой был. А за нее если что, с тебя шкуру спущу, парень.

Несмотря на явный наезд, Женя продолжил:

— Я сразу почувствовал — она не такая, как все эти. Копнешь поглубже, за их макияжем да маникюром, а там и нет ничего, пустая оболочка — тоска с ними, все гнилые внутри. Поверьте мне, я не такой уж тупой, в бабах разбираюсь. В Кате есть что-то более глубокое, чем во всех них вместе взятых, светлая она какая-то. Они же во мне и человека никогда не видели, только так — член ходячий. Я если и не был, то стал таким, меня чрезмерное бабское внимание таким сделало. Но сейчас во мне все меняется...

Папаген внимательно слушал, но все-таки решил его перебить:

— Женечка, я всегда считал, что тебе просто хорошая девушка нужна. Раньше тебе немного не везло с этим. Ну теперь, я надеюсь, ты завяжешь со старой жизнью. Не повторишь моих ошибок...

— Я пытаюсь.

— Давай, давай, хватит тебе уже куролесить. А то останешься, как я — птицеловом без своей Папагены.

— Чего?

— Забудь. Ну а если Катю обидишь, то пеняй на себя.

95

— Ну что вы, — Женю задело недоверие, — я Катю никогда не смогу обидеть.

Он вышел от учителя, мучительно пытаясь прогнать из головы привязавшуюся строчку кумира: «Может быть, все нечестно так, только вот, наверно, интересней!»*

* * *

Как назло, когда кто-то нужен, его фиг найдешь. Женя уже обошел весь клуб, напевая: «Где, где, где, пропала где?»* и пошел на второй круг. Ее нигде не было, он начинал терять терпение. Никто не видел Риту Ким. Когда он окончательно отчаялся, изза угла навстречу ему вырулила Рита собственной персоной.

Миниатюрная оторва неопределенного возраста, с ярко выраженной восточной внешностью, ее прямые

волосы были выкрашены прядями во всевозможные оттенки красного и розового цветов. В раскосых глазах всегда смеялись чертики. Она шла в миниюбке и открытой майке, которая пряталась в огромном количестве длинных разноцветных бус. Запястья были украшены множеством браслетов. От такого скопления бижутерии каждое, даже самое слабое движение Риты сопровождалось мелодичным позвякиванием. Увидев Женю, она расплылась в радостной улыбке:

— О! Наконецто. Я так давно тебя не видела. — Она попыталась обнять Женю за шею, но он вырвался. — Ты просила встретиться, что ты хотела мне сказать?

— Почему — сказать? Просто хотела. Неужели не понятно, сладочка? — Свои слова она снова попыталась поддержать объятием, но Женя поймал ее за руки.

96

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

— Рита. Пойдем в бар, поговорить надо. — Женя развернулся и пошел вперед, с уверенностью, что она последует за ним.

Рита какое-то время смотрела ему в спину, затем, пожав плечами, видя, что продолжения разговора здесь не предвидится, двинулась следом. Они спустились в бар и сели за столик в углу, где их не сразу можно было заметить.

Рита надула губки и всем своим видом демонстрировала обиду:

— Ты какой-то странный, чувак! Жень, ты что, понтиться начал? Я звоню тебе домой — тебя никогда нет. А если ты дома, то вечно занят и мне не перезваниваешь. В клубе от меня шарахаешься, как от прокаженной. Что за телеги? Может быть, что-то случилось, а я и не в курсе?

— Да нет, ничего не случилось. — Женя говорил ленивым безразличным тоном, показывая, что все упреки Риты ему безразличны. — Просто мне кажется, что наши отношения зашли в тупик. Нам лучше прекратить встречаться.

— В тупик?! Ха, как же так? — Вид у Риты был, мягко говоря, растерянный. — Я что-то не отдуляю. Раньше тупики тебя не смущали, трахались по этим тупикам, как водяные крысы, а тебе еще разве что-ни

будь надо?

— Надо не надо, видишь ли, если ты этого не понимаешь, то объяснить тебе это будет очень сложно.

— Боже мой, какой сложный чувачок стал, раньше попроще был! Нет уж, попробуй объясни, может, я что и пойму. Только не надо говорить, что ты влюбился в эту малолетку Катю! Что она там можетто? Эта дура мне, кстати, уже истерики изза тебя закатывала, угрожала. Ты столько раз мне жаловался на Лену, что она тебя душит — теперь сам решил задушиться? — В ее голосе нарастала угроза.

Она положила локти на стол, сцепила руки и положила

97

вила на них подбородок, давая понять, что она вся внимание.

— Все меняется, Рита...

— Только не надо банальностей! Люди не меняются, мы с тобой одной породы — одинокие волки, свободные и злые, вечно в поиске добычи и трахаемся, чтобы скрасить скуку в этой дыре! Ты не можешь вот так бросить меня изза этой маленькой сучки! Ты такой же, как я! Женя мускулистой задницей почувствовал, что беседа может закончиться весьма плачевно, как бы не дошло до мордобоя:

— До Кати, да. Я был такой, как ты. Может, ты тоже просто живешь не с тем человеком и поэтому бесишься?

— И это все? — Рита была разочарована, она положила свои мягкие ладошки на руки Жени и с надеждой заглянула ему в глаза. — Пурга какаято. Больше тебе сказать нечего? Ничего не понимаю — нам же было так хорошо вместе. Голубой ли ты, Катя, Лена, еще сто телок, мне по фиг! Мне от тебя ничего не надо, кроме секса! Зачем тебе терять такую клевую подружку?

Рита неуловимым движением положила Женины ладони на свои острые грудки и, продолжая заглядывать ему в лицо, провела влажным треугольным язычком по пухлым губам. Женя, негодуя, вырвал руки из ладошек коварной соблазнительницы, унося в них против воли сладкое ощущение твердеющих сосков. Он вскочил, чтоб уйти, и тут же неловко сел, с досадой обнаружив полную боевую готовность в штанах. «Вот, блядь!» Рита понимающе заулыбалась. Предатель между ног был явно на ее стороне.

В этот момент Женя заметил, как в бар зашла Ле

на, легка на помине, и сразу обратила на них внимание. Она просто побледнела от ярости, увидев их вдвоем, но, ничего не сказав, пулей вылетела из бара. «Облажался по полной программе!» — мелькнуло в голове незадачливого парламентаря.

98

— Ну все, Ритка, «нас теперь твой друг не увидит вместе, мы ляжем по разные стороны полос»*.

— Ты что, обкурился, чепушила?

— Дура, это «Мумик»!

— Ты что, Ленку Павлову испугался? Тебя аж трясет всего.

— Не твое собачье дело!

— Дурачина! Не бойся, у меня на нее такой компронат есть. Я про них с Дроздецким такое знаю!

— Даже и слушать не хочу!

— И не надо. Пойдем лучше в гримерку, я тебя пожалею... В последний раз.

— Похотливая зануда! Пошли, но только в последний раз! Я не шучу.

Он был не в силах больше сопротивляться, боялся возвращения Лены, от нее можно было ждать чего угодно, ему нужна была поддержка, да и Рита Ким, чего скрывать, была сказочно хороша в постели.

* * *

Днем конспиративно ублажать беременную жену гангстера, ночью конспиративно заниматься любовью с Катей, еще и играть для всех голубца, и нигде не запалиться — это было уже слишком круто, даже для Жени. Через два месяца такой жизни он понял — пора рубить этот узел, надо легализоваться.

В казино было совсем пусто, даже в баре почти не наблюдалось посетителей. Создавалось впечатление, что заведение не работает. Жара, не прекращающаяся котопый день, выгнала всех из города, даже заядлых игроков. В баре звучал тихий трипхоп, был слышен гул работающих кондиционеров. Женя сидел напротив Лены за столиком в углу, отгороженным от общего зала. Он набирался сил, чтобы начать серьезный разговор.

— Лена, так дальше продолжаться не может.

99

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

— Ты про что это, милый? — Лена была миролюбиво настроена, в созерцательном расположении духа.

— Ну, я про наши отношения с тобой, — произнося

это, Женя смотрел в сторону, избегая Лениного взгляда, предполагая, что он может там увидеть.

— Это что это наш гуаро* затеял? — Ее интонация совсем не изменилась. Непонятно откуда, у нее в руках вдруг оказался брелок. Женя его видел неоднократно, самое примечательное в нем было — опасная бритва немецкой стали. Лена вертела его вокруг пальца. — Как там твой педрила поет? «Кто когда загадает иногда, мною что зажато в кулачке?» — у меня так в кулачке твои яйца. В какие это мы игры теперь играем? Ты что, ради этой дуры Ритки со своими яйцами решил расстаться?

— При чем тут Рита? Не о ней разговор...

— Не делай из меня круглую идиотку. — Напускное равнодушие вмиг кудато делось, в голосе звучал металл. Лена направила указательный палец на Женю:

— Да я вас на прошлой неделе в баре видела — сидели голубки. Чуть не трахались на столе. Смотреть противно. Ты ж, потаскун, меня под Павлова подставляешь! всю мою голубую легенду рушишь! Я тебя, tonto, предупреждала, чтобы держался от баб подальше, ты что, русских слов не понимаешь, на каком языке с тобой говорить надо? На корейском? Мне все это порядком надоело. Не посмотрю, что сама эту пиздо глазку в клуб пристроила — в миг вышибу да личико ее смазливое разукрашу.

— Лена, да ты все неправильно поняла, я ж ей от ставку давал. — Голос Жени предательски дрогнул, он сам понял, что это звучит неубедительно.

— Не надо мне заливать! А то я Павлову шепну, что ребенок, которого он считает своим наследником, у меня от тебя, Женечка. Что ты меня опоил, соблазнил

100

* Красавчик (исп.).

и начинил, воспользовавшись моим доверием к моему пидорскому имиджу. А теперь еще и шантажируешь бедную девушку! Мнето по фиг, переживу. Павлов меня любит. Отлупит и простит. Vamos a ver*, как долго ты протянешь. Ведь он тебя везде найдет, чтобы грохнуть за такой позор. А что ты устроил в казино с этой тощей Катей? Что за грязные танцы? Клинья к молодым подбиваешь, я для тебя уже стара стала?

— Лена, ну зачем ты так, давай похорошему.

— Не подлизывайся, у меня внизу машина, сейчас похорошему к тебе поедем. А я скоро с Павловым на

море уеду — у тебя будет время как следует обдумать свое поведение. А с Риткой твоей, с этой *bicho raro***, я разберусь, помани мое слово.

Было видно, как она раздражена, даже слишком видно. Под конец разговора Женя был ой как не рад, что его затеял. Лена — злющая, как пантера, жди от нее беды. Одна радость — уедет с глаз долой. На какое-то время можно будет забыть о ее существовании. Фиг с нею, пусть катится, а он немного придет в себя и решит все эти гребаные проблемы.

ГЛАВА 6

Осенний день клонился к вечеру, надо было поторопиться, чтобы не опоздать на выступление. Женя был у входа, когда двери клуба распахнулись и Катя почти вылетела прямо в его объятия. Она держала в руках большую сумку и на ходу пыталась надеть куртку, но у нее никак не получалось попасть в рукав. Женя был страшно рад встрече и в первый момент даже не заметил, что глаза подружки полны слез. Присмотревшись, увидел, да на ней лица нет, она была очень сильно чем-то расстроена.

101

* Посмотрим (*исп.*).

** Подлая тварь (*исп.*).

Женя, целуя и обнимая Катю, попытался узнать в чем дело:

— Катюха, что такое — глаза на мокром месте? Ты куда собралась, скоро ж выступление?

— Представляешь, меня с премьеры турнули. — Катя всхлипнула, сглотнула и растерла рукой слезы. — Говорят: слабо танцую — надо еще порепетировать!

— Да какой дурак такое сморозил?

— Мне директор наш сказал, но я знаю, откуда ветер дует.

— Подожди, Михалыч? С какой стати это ему понадобилось, он же вообще ни в танцах, ни в чем ни хрена не понимает!

— Да знаю я, изза чего весь сырбор. — Красавица отвернулась и, пока говорила, не смотрела Жене в глаза. — К нам в гримерку на днях Павлов пьяный со своими быками завалился да всех лапать начал. Ну, ты знаешь, с ним иногда такое случается. Стал ко мне клеиться, скотина. А мне так противно стало: за дверь, может, его жена ждет, а он здесь руки распускает, да и устала я так, что сил нет, ну и послала его куда подальше. Он так озверел — как же в его империи

кто-то перечить ему надумал. Мне показалось, что он мне сейчас по физиономии съездит, но нет — обошлось. Только разорался, что здесь все принадлежит ему, он — царь и бог и, если захочет, всех за порог выставит, ну с тем и ушел. А сегодня вот — пожалуйста, это все его рук дело. Так что пойду я к Павлову или туда куда его послала.

— Подожди, подожди. Ну не станет Павлов изза такой ерунды тебя снимать. Давай я с ним поговорю, не уходи. — Женя ушам своим не поверил: конечно, Павлов известный мудака, но чтобы кого-то снимать с премьеры? Делать ему, что ли, больше нечего? Не его стиль, не пацанский. Странно как-то.

— Нет, спасибо, Женечка, не надо за меня никого просить — мы гордые.

102

— Ну, пожалуйста, не уходи, подожди меня, — Женя не знал, как успокоить и утешить Катю, — вместе куданибудь сходим.

В этот момент из клуба вывалились Белка, конечно же, вместе со Стрелкой. Они уже были одеты в яркие блестящие костюмы для выступления, и на улице это смотрелось совершенно ни к месту, что сразу привлекло внимание немногочисленных прохожих на площади. Две старушки, проходившие мимо, были явно шокированы полным отсутствием юбок в костюмах танцовщиц. О чем они не замедлили сообщить всем присутствовавшим на площади. Бабушки, крестясь и охая, остановились, чтобы высказать все о падении нравов современной молодежи, но Белка так рывкнула на них, что они быстро прервали свою обличительную речь и предпочли спастись бегством.

— Катя, хорошо, что мы тебя поймали! — Белка тяжело дышала, как будто бежала издалека. — Мы, как узнали, походу, что тебя снимают, чуть в обморок не упали! Надо же какое свинство!

— Это все изза твоего гонора. Я говорила тебе: потерпи, ничего тебе Павлов не сделал бы! А ты — уبری руки, козел! Ну, кто такое стерпит. — Стрелка говорила с таким возмущением, будто Катя отказалась от прибавки к зарплате. — Это ты легко еще отдела-лась.

— Ладно, не расстраивайся, не уходи. — Белка почесала затылок, в размышлении. — Мы скоро освободимся, чегонибудь придумаем.

— Правильно, я ей то же самое говорю. — Женя обрадовался такой поддержке и ухватился за возможность хоть как-то удержать Катю. Но она была непреклонна, выслушав всех, только грустно покачала головой. Перспектива сидеть, как изгой, в клубе и ждать, пока все выступят, совсем не грела. Это было выше ее сил. Она наотрез отказалась: — Нет, я пойду домой.

103

Еще раз махнув всем на прощание рукой, она двинулась в сторону дома, опустив узкие плечи и грустно шаркая длинными ногами.

* * *

Она открыла дверь, прислушалась — в квартире было тихо, промелькнула мысль, что родителей нет дома и ее пронесет. А то начнут опять мозги промывать, а она и так устала, мало ей в клубе проблем, еще со стариками разбирайся! Но Катины надежды не оправдались, на звук открывающегося замка из комнаты вышел отец. Федор Андреевич был в обычном домашнем наряде — черные брюки от спортивного костюма с белыми лампасами да рубашка с коротким рукавом в мелкую клеточку, на ногах пляжные шлепанцы на босу ногу. В одной руке он держал книжку, в другой — очки для чтения. Он было обрадовался приходу дочери, но сразу обратил внимание на ее несчастный вид — у Кати никогда не получалось что-либо от него скрыть. Он попытался заговорить с ней еще в прихожей, но у нее не было сил даже слушать, и она молча, отвернувшись от отца, пошла к себе в комнату. Но от него не так просто было отделаться — он двинулся следом за ней.

— Я не хочу действовать тебе на нервы, но мать предупреждала, что добром это не кончится. Катенька, послушай меня, бросай ты эту халабуду, можешь даже не идти работать, что, у нас не хватит денег, что ли, тебя прокормить? И не думай ты о Геннадии Андреевиче, он все поймет, будешь с ним репетировать и поступишь в свой театральный на будущий год. С мамой я поговорю. Она очень сильно за тебя переживает, но ничего, я постараюсь убедить ее дать тебе еще шанс, ты же у меня такая талантливая девочка.

— Спасибо, папа, — в голосе Кати прозвучали благодарные нотки, — ты всегда понимал меня и поддер

живал, но я не хочу сдаваться, все подумают, что я слабачка, а я сильная, как мама. Где она, кстати?

— У нее в магазине переучет, неизвестно, когда он закончится. Так что мы с тобой вдвоем кукуем до утра.

— Надо мне сходить к Геннадию Андреичу поговорить да посоветоваться, я давно его не видела. Папа, а ты Папагена сколько знаешь?

— Давненько. Что это вдруг тебя заинтересовало? Мама твоя у него тоже танцами занималась.

— А как получилось, что папагеновскую школу танцев прикрыли?

— Я точно не помню, но там какаято некрасивая история вышла. — По тону отца чувствовалось, что продолжать эту тему ему явно не хочется. — Ну все, Катя, ты устала, тебе пора отдыхать, я и так с тобой слишком заболтался. Все, спокойной ночи! Давай ложись спать, а то можно так всю ночь проболтать.

— Пап, мне совсем спать не хочется, давай лучше поговорим. — Сна у Кати не было ни в одном глазу.

— Да на тебе лица нет от усталости.

— Давай, как в детстве, ты садись, а я на колени тебе голову положу. — Она усадила отца на диван, а сама прилегла рядом.

— Ты у меня совсем большая стала, — отец положил руку Кате на голову и ласково погладил, — такая красавица вымахала.

— Говори, говори мне это так приятно. — Катя закрыла глаза, вздохнула и улыбнулась — хоть кто-то доброе слово за день скажет. — А чего у тебя руки так дрожат? Ты не заболел?

— Ты такая взрослая, такая красивая у меня. — Федор Андреевич наклонился и слюняво поцеловал Катю в угол рта.

— Пап, ты чего? Что за нежности такие, прямо сам на себя не похож.

— Я такой осел был...

ГЛАВА 7

Что за чепуха?! Мачо Женя несется по темным улицам, как одинокий голодный волк. Куда она могла подеваться? Пять пустых ночей он провел без нее. На пятый день, не выдержав, он замучил телефон — ни кто не отвечает ни у Белки, ни у Стрелки. Точняк, она

с ними! Мамаша ее вообще таким тоном разговаривала, как будто он детоубийца как минимум! Спасибо, что не послала. Но в голосе было столько злости! Да еще заявила, что такие здесь не проживают. Это про любимую и единственную дочь! Совсем свихнулась! Ну не послушалась ее доченька, пошла по своему пути — не век же родителей слушаться. Это не повод ее из дому выпроваживать. С родителями вечно так, чуть дети выросли и стали своими мозгами пользоваться, так все — пошли вон. Почемуто считается, что дети должны по гроб жизни быть благодарны родителям, интересно, за что? За то, что на свет их родили? Так мы ж не просили, как Лагута, чтоб нас делали. Да уж, «делай меня точно, мама, — я не буду агрессивным»*. Похоже, неточно меня мама сделала. Чего хотели, то и получили. Ладно, надо попробовать сунуться в казино — это последнее место, где он еще сегодня не искал. Ха, конечно, она здесь. Вон как веселятся, все в сборе, что это они так разошлись?

— Всем салют, Кать, я тебя везде разыскиваю! Еле еле нашел! — Женя сел за стол в баре, где устроилась теплая компания.

— Где тебя носит? Ехал бы сразу сюда, здесь та кой кайф. — Катя потрясла несколькими фишками, взяв их из горки, что была рядом с ней: — Мне опять везет!

— Смотри, удача — девка ветреная. — Жене было неприятно, что Катя так быстро втянулась в эту гни

106

* Парафраз слов из песни группы «Мумий Тролль».

лую тусу. — Здесь нужно вовремя остановиться, как в любом деле!

— Я давно так не веселилась, пойду еще поставлю! — Катя резко поднялась и направилась к игровому столу.

— Во отжигает девка! Что это вы с ней сделали?

— Да этот дурень Серж опять свое дерьмо приволок, дилер хренов, — Стрелка махнула рукой куда-то за спину, — вот и штырит нас помаленьку.

— Вово, а Катьку твою, походу ненасытную, вообще колбасит не подетски, — добавила Белка.

— Вы мне совсем девочку испортите. — Женя не естественно громко засмеялся. — Пойду проверю, что она там делает.

Он подошел к рулетке, как раз в тот момент, когда

Катя проиграла свою ставку. Женя даже обрадовался предложению увести ее отсюда:

— Пошли уже, видишь, удача твоя прыгнула.

И нам пора.

— Угу, сейчас отыграюсь, и пойдем. — Катя, не отрываясь, гипнотизировала шарик, как будто, если она хоть на секунду отвлечется, он сбежит с поля.

— Катя, пойдем, всех денег не выиграешь. «Уходим, уходим, уходим!»* — пропел Женя.

— Подожди! Ну хоть еще разочек. Я сейчас точно выиграю.

Шарик повертелся и остановился. Катя опять проиграла.

— Все, хватит, пойдем!

— Ты иди, я сейчас. — Катя и не думала отходить от стола, она не отводила глаз от шарика и не обращала на Женю никакого внимания.

— Куку! Это я! — Он разозлился, взял Катю за плечи и легонько потряс. — Катька, вернись в реальность!

107

* Слова из песни группы «Мумий Троль».

— «Реальность — это состояние сознания, вызванное недостатком алкоголя!» — Она произнесла эту фразу без какого-либо выражения.

— Ты что, уже бредишь? — Это стало последней каплей. — Я без тебя не уйду!

Наступила очередь Кати выйти из себя. Видя, что ее не оставляют в покое и мешают сосредоточиться на игре, она жутко разозлилась и заорала на Женю:

— Что ты ко мне привязался, любовничек! Я же говорю, последняя ставка и приду!

— Тихо ты!

— Ой, извините, мы ж для всех друзья. Вот и иди, друггей, за стол к другим друзьям.

— Я тебя здесь подожду. — Он не собирался сдаваться так просто.

— Ты мне мешаешь, иди выпей!

Шарик, медленно завершая кружение, завис на каком-то мгновение между двумя ячейками. Катя затаила дыхание... и он упал не в ту ячейку.

— Ты опять проиграла, пойдем! — Женя дернул Катю за руку.

У стола, как всегда некстати, неожиданно материализовалась Лена, выглядевшая на все сто. Сегодня она

явно косила под Одри Хепберн — кроме любимых очков, белая шляпка с черной полосой вдоль тульи, белое платье и белые туфли с черными бантиками на высоких каблуках. В правой руке у нее был бокал с минералкой, мизинец — игриво отогнут. Лена с удовлетворением заметила, что ее наряд произвел необходимое впечатление, и благосклонно обратилась к Кате: — Как дела, Катюша, я вижу — тебе все больше нравится играть?

— Да уж. Чтото, Ленок, мне сегодня не везет!

— А как дела в клубе? — Ленивая интонация показывала, что этот вопрос Лена задала чисто из любезности.

— Меня с премьеры сняли.

108

— Не может быть, que pasa?* Ты же так здорово держалась на сцене! — На холенном лице Лены отразилось нешуточное сочувствие.

— Лена, тебе Михалыч врать не будет, — Катя заговорила умоляющим тоном, — может выяснишь, почему меня сняли? Я не очень поняла, да мне толком и не объяснили.

— Конечно, мы же подруги. Обязательно выясню, — Лена была сама любезность, — но, увы не знаю когда. Я завтра уезжаю, на сколько — по se**. Ладно, ребятки, чтото мне сегодня тоже не везет. Я, пожалуй, пойду. Всем пока. — Она поправила темные очки в белой оправе, развернулась и поплыла прочь.

— Женя, у меня еще есть пара фишек, — взмолилась Катя, — ты иди, я сейчас отыграюсь и приду. Женя взглянул на Катю и понял, что сделать с ней ничего не сможет, ну не бить же ее. Ладно! Пусть все уже проиграет, тогда посмотрим. Он вернулся за столик и заказал себе текилы. Через какое-то время пришла хмурая Катя.

— Как это ни странно — мне опять не повезло. Все изза тебя, мумитрольщик!

Женя решительно встал изза стола.

— Все, мы уходим, всем пока!

Он взял Катю за руку и, несмотря на ее вялое сопротивление, вывел из казино.

По дороге он не смог сдержаться и вылил на нее все скопившееся раздражение:

— Что на тебя нашло? Ты чего играть полезла? Пусть играют, у кого денег до хрена, тебето

куда!?

Но Катя была не расположена слушать его наставления, она барахталась в своих расстроенных чувствах.

Проигрыш ее сильно задел, и она шла, вычисляя, где

109

* Что случилось? (исп.)

** Не знаю (исп.).

допустила ошибку. На нотации Жени она вяло ответила словами Элочки Людоедки:

— Не учите меня жить — лучше помогите материально.

— Будешь играть — тебе никто не поможет. Сколько ты сегодня просадила?

— Жень, не будь занудой, все равно делать было нечего! Лучше поцелуй меня, ну пожалуйста!

— Ну и глазки! Да ты все еще под кайфом! Хороша подружка! Думал — из приличной семьи, а тут раз тебе — и игра, и наркота! Права твоя мать, нельзя тебя было изпод юбки выпускать. Теперь я буду тебя контролировать. Так что, Кать, давайка перебирайся ко мне.

Катя отстранилась от него и посмотрела с грустью:

— Женич, ты отстал от жизни, я уже пять дней у Папагена живу.

Новость просто ошарашила Женю:

— Как это? А почему я ничего не знаю? Ты чего мне не сказалато?

— Както не получилось. Когда мамаша узнала, что я, мерзавка, ночи не на работе провожу, а у тебя дома, помнишь ты меня провожал с утра, а она нас на лестнице застукала, она мне такой разгром учинила. Мать с тем, что я в ночном клубе «пляшу», никак смириться не могла, а тут еще и ты. Она мне такого напорол: и про разврат, и упадок нравственности, и про то, что она не для того меня растила и всю душу в меня вкладывала, чтобы я так низко пала. Я тоже давай ей правдуматку пороть про то, что танцы и ты — это моя судьба, и мне от судьбы не уйти. Ну, мать сказала, что ни за что не сделает из своего дома притона. А я: и пожалуйста, тогда найду другое место, где меня примут и не будут считать шлюхой. Папаген меня сироту и приютил.

— Так надо было ко мне сразу! Ты чего?!

— Да я тебе звонила тогда, а тебя дома не было, искала тебя по всему городу, но ты как сквозь землю

110

провалился. Я сейчас к Папагену двину, а то ведь расстроится, бедолага, что меня долго нет.

— Катя, а как же я?

— Не сегодня, Женич.

— Я по тебе так соскучился, мы счас Папагену звякнем, что ты со мной, он волноваться и не будет. — Женя обнял и поцеловал Катю.

— Я даже не знаю... — В голосе Кати зазвучало сожаление.

— Вот и умница, пойдем! — Женя вновь поцеловал Катю, и, крепко сцепив руки, они пошли к нему домой.